

АЛЕКС РУДИН



НАЗАД В СССР



АРХЕОЛОГ

СОЛНЕЧНЫЙ КАМЕНЬ

Алекс Рудин

Археолог 1. Солнечный камень

«Автор»

2023

Рудин А.

Археолог 1. Солнечный камень / А. Рудин — «Автор», 2023

Всю свою жизнь я посвятил поиску древних артефактов. Но однажды столкнулся с такой тайной, что за любопытство пришлось заплатить жизнью. Получив второй шанс, я решил продолжить поиски ответа и узнать причину собственной гибели.

© Рудин А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1 | 6 |
| Глава 2 | 13 |
| Глава 3 | 21 |
| Глава 4 | 28 |
| Глава 5 | 36 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 41 |

Алекс Рудин
Археолог 1. Солнечный камень

Глава 1

14-го мая 2024 года, Калининградская область, Приморск

Такси я вызвал сразу же, едва выбрался на грунтовую дорогу, и телефон поймал сеть. Пока синяя «Шкода Рапид» добиралась до меня, я успел отдохнуть, выпить прохладной воды из бутылки. Достал из кармана медальон, подержал его на ладони, любуясь.

Настоящее тёплое солнце, искусно выточенное из янтаря. Диаметр почти в ширину ладони. Один луч обломан полностью, второй – наполовину. Из архивных документов я знал, что это случилось, когда последнему хозяину медальона – прусскому вождю Отакару – отрубили голову тевтонские рыцари-храмовники.

Медальон приятно оттягивал ладонь. В основании одного из лучей была просверлена дырочка. В ней ещё сохранился остаток истлевшего кожаного ремешка. По нему можно будет точнее установить дату потери медальона.

Между кустов цветущего боярышника мелькнул синий металл автомобиля кузова. Я спрятал медальон во внутренний карман куртки, устало поднялся на ноги и забросил за спину лёгкий рюкзак. В нём ничего не было, кроме смены белья, пауэрбанка и бутылки с водой.

Складную титановую лопатку я с некоторым сожалением оставил в кустах. Уж больно удобная вещь! Вот кто-то порадует, когда найдёт её.

Лопатку я купил уже в Калининграде, в магазине туристического снаряжения. Везти такую из Петербурга значило привлекать к себе внимание на контрольной рамке аэропорта. А внимание могло мне помешать.

Подпрыгивая на ухабах, подъехала синяя «Шкода». Водитель без всяких просьб с моей стороны открыл багажник. Я положил туда рюкзак, а сам уселся на заднее сиденье. Больное колено прострелила боль, и я поморщился. Чёртов артрит!

– В аэропорт, отец? – уважительно спросил дагестанец с круглым лицом и начинающими сесть висками.

– Да, – ответил я.

Машина немедленно тронулась.

Отец, надо же! У прикавказских народов уважение к старшим в крови.

Я потёр колено, снова поморщился и поймал в зеркале внимательный взгляд водителя.

– Ничего, – ответил я на его безмолвный вопрос. – Старость. Колено болит после прогулки.

– Вы из пансионата? – спросил водитель. – Надо было вызвать машину прямо туда. У нас все знают дорогу. Если подняться на дюну – связь ловит.

– Нет, – ответил я. – Я гулял по берегу. Знаете, в последний день у моря всегда хочется прогуляться, увезти с собой хорошие впечатления. А сегодня и погода не подвела. Вот только силы немного не рассчитал – надо было выйти на дорогу пораньше.

Семьдесят семь лет. Столько мне исполнится осенью. И я ещё молодцом – вон, как лихо лазаю по дюнам из мелкого белого песка! Другие в моём возрасте и шагу не ступят без палки или инвалидного кресла.

Я и копать ещё могу. Вот только спина подводит – десять минут внаклонку, и всё. Здравствуй, радикулит!

И болтал я не просто так, а для того, чтобы водитель видел во мне только немощного разговорчивого старика.

От Русского водитель свернул на Красноторовку в объезд Янтарного.

– Вот ишак! – выругался он сквозь зубы, взглянув в зеркало.

Я обернулся и сквозь пыльное стекло увидел серую «Ауди», которая шла прямо за нами. Сердце тревожно сжалось. Погоня? Но никто не знал, зачем я здесь. Да и о том, что я вообще лечу в Калининград, знал всего один человек. Ему я доверял, как самому себе.

Водитель чуть прибавил скорость, но «Ауди» не отставала. Она летела вплотную за нами, не дела попыток обогнать.

Дагестанец чуть сбросил газ, прижался к обочине и показал левым поворотником – мол, обгоняй! Но водитель «Ауди» не отреагировал. Он тоже притормозил, не позволяя нам уехать вперёд.

Даже если это погоня, то единственное место спасения для меня – аэропорт!

– Подвези поближе ко входу, – попросил я водителя. – Опаздываю на регистрацию!

– Сделаем, отец! – ответил водитель.

На идущую сзади «Ауди» он больше не отвлекался. Работа есть работа!

Возле аэропорта водитель вышел и помог мне надеть рюкзак. Я незаметно оглянулся. «Ауди» стояла чуть в стороне, из неё никто не выходил.

Я почувствовал небольшое облегчение. Если никто не станет сопровождать меня в самолёте, то в Пулково возможных преследователей ждёт сюрприз!

Прихрамывая, я прошёл в терминал. На рамке контроля привычно выложил телефон и связку ключей. Рюкзак уехал в багаж, а самая ценная добыча прячется во внутреннем кармане куртки, которую я не собирался снимать.

Я развёл руки в стороны. Молодая девушка в униформе провела сканером вдоль моих боков. Я улыбнулся ей – дружелюбно, по-отечески. Девушка улыбнулась в ответ.

– Проходите!

В своё время мне было трудно привыкнуть к мысли, что женщин я больше не интересую. Очень трудно. И вот такие «поездки за сокровищами», как я их называл про себя, были частичной компенсацией уязвлённому самолюбию. Кое-что я ещё могу такое, чего не может никто!

Забрав ключи и телефон, я взял рюкзак и поспешил к стойке регистрации. До начала посадки оставалось пятнадцать минут.

В ожидании посадки и весь полёт я внимательно наблюдал за окружавшими меня пассажирами. В большинстве это были семьи с детишками, которые возвращались после отдыха на балтийском побережье. Подозрительного внимания к себе я не заметил, если не считать молодого человека лет пяти, который подошёл ко мне в «чистой» зоне и сосредоточенно стукнул по ноге металлической машинкой. Стервец попал прямо по больному колену, и я едва сдержался.

– Что ты делаешь, Саша! – окликнула его мать – светловолосая женщина с измученным выражением лица и кругами под глазами. – Ради бога, простите!

Надо же, тёзка!

Пацан, насупившись, смотрел на меня. Я погрозил ему пальцем.

– Сейчас же оставь дедушку в покое! – повысила голос мать.

Пацан показал мне язык и неохотно отошёл.

14-го мая 2024 года, Санкт-Петербург – Выборг

В «Пулково» я вызвал машину, едва покинув самолёт. За долгую, насыщенную перелётами жизнь я вызубрил все закоулки этого аэропорта. Когда я пересёк последний зал и вышел к одиннадцатому столбу – машина уже стояла там.

– Финляндский вокзал, – сказал я водителю.

Периодически я незаметно оглядывался и проверял – не едет ли кто за нами. Но ни по дороге на вокзал, ни в «Ласточке», которая за час домчала меня до Выборга, ничего подозрительного не случилось. И я облегчённо выдохнул.

Дело было сделано.

На вокзале Выборга я взял такси – третье за день! – и добрался до замка. Башня святого Олафа снова стояла в лесах – нам опять выделили деньги на реставрацию. Когда был помоложе, то любил подниматься на смотровую площадку и часами наслаждался видом города и залива. Увы, в последние десять лет это удовольствие стало для меня недоступно.

Никита встретил меня на входе.

– Ну, как? – зачем-то спросил он, оглядываясь, словно шпион.

– Всё в порядке, – ответил я.

Тяжело поднялся по ступенькам в дом наместника. Натруженные ноги гудели, да и перелёт сказывался – староват я для таких стремительных перемещений.

В доме наместника было пусто. Понедельник – законный выходной. А значит – никаких посетителей! Да и смотрители тоже сидят по домам, наслаждаются отдыхом.

Я прошёл в администраторскую. Эта небольшая комната, соединённая с ещё одной, совсем крохотной, служила мне одновременно и рабочим кабинетом, и квартирой.

Да-да! Я живу в музее! Одна из немногих привилегий заслуженного историка.

Я набрал воды в электрический чайник и устало сел на любимый стул.

Вот и всё. Это было моё последнее путешествие. Того, что я получу от Никиты, с лихвой хватит, чтобы дожить оставшиеся годы, попивая чай с выборгскими кренделями и изредка проводя экскурсии для туристов.

– Покупатели уже в городе! – сказал Никита, входя вслед за мной.

Я улыбнулся. Покупатели! Ну, и словечко!

То, чем мы занимались, было похоже на контрабанду. Но лишь внешне. Археологические находки положено сдавать государству. Именно это мы и делали. А государство представляла комиссия экспертов одного крупного музея, который был очень заинтересован в экспонатах с громкой историей. Работая с нами, музей получал экспонаты, а мы – положенные нам по закону пятьдесят процентов от стоимости. И все были довольны. Только бы артефакты были найдены не на официальных раскопах.

Обычная серая схема, ничего особенного.

Я выложил медальон на стол. Луч света, упав из окна, отразился в отполированном янтаре.

Никита подошёл и встал за моей спиной.

– Красота! – чуть слышно выдохнул он.

Я улыбнулся. Никита был одним из моих учеников. Когда его назначили директором музея, он вспомнил обо мне и предложил схему сотрудничества, которая не подвела нас ни разу за двадцать лет.

– Назначу встречу на сегодняшний вечер, Александр Васильевич! – сказал Никита.

– Конечно, – согласился я. – Чем скорее – тем лучше.

Это ещё одно из правил. К находке лучше не привыкать, иначе крепнет желание оставить её себе. Ведь ты уже потратил несколько месяцев, а то и лет на её поиски! Копался в архивах, изучал сохранившиеся документы. Сличал записи с устными легендами. Выезжал на место, ошибался и начинал поиски сначала.

Когда Никита ушёл, я налил себе чаю. С бергамотом, как я люблю. Расположился возле небольшого окна, глядя на залив, берега которого покрывались зацветающей черёмухой и зелёными ивами. Поставил перед собой блюдце с тонко нарезанным лимоном и маленьким ножичком.

Весна всегда была моим любимым временем года. А теперь – много ли их осталось, тех вёсен?

Напившись чая, я сполоснул чашку и убрал её в сушилку. Гостей, конечно, лучше встречать не здесь, а в зале, среди экспонатов – в привычной рабочей обстановке.

Да и переодеться не помешает!

Я сбросил с себя удобную дорожную одежду. Быстро принял душ за маленькой дверцей. Провёл рукой по щекам, на которых уже проступила седая колючая щетина, и махнул рукой. Сойдёт и так! Пригладил небольшую бородку, которая придавала мне чрезвычайно интеллигентный вид.

Надел голубую рубашку, вязаный жилет и тёмно-синий костюм без галстука.

Не люблю галстуки. Чтобы их завязать, каждый раз приходится смотреться в зеркало и вспоминать, сколько мне лет. А поскольку изнутри я себя стариком не чувствую, то при взгляде в зеркало испытываю недовольство.

Я вышел в музейные залы. Дом наместника невелик – всего несколько комнат и каземат под ними. Каждую витрину здесь я знаю наизусть.

За спиной скрипнула входная дверь. Быстро Никита обернулся!

Я повернулся лицом к гостям.

Трое абсолютно незнакомых мне мужчин. Все высокие и широкоплечие, в серых костюмах. Похожи друг на друга, словно братья. У одного в руках небольшой кожаный чемоданчик.

Из-за их широких спин выглядывал Никита.

– Александр Васильевич? – спросил тот, что держал чемодан. – Здравствуйте! Нам сказали, что вы сумели найти интересующую нас вещь. Покажите её!

Он протянул мне руку ладонью вниз. На тыльной стороне ладони я увидел какую-то татуировку, похожую на круг.

Татуировка у сотрудника музея?!

Этот человек совершенно не был похож на музейного работника. Он привык, что ему подчиняются. Я перевёл взгляд на Никиту.

– Кто это такие?

– Неважно, – перебил меня мужчина. – Покажите медальон!

Сердце снова сжалось. Значит, вот как это бывает! Я снова посмотрел на Никиту, и он отвёл глаза в сторону. Всё понятно.

– Нет! – из чистого упрямства ответил я. – Я вас не знаю, а музей закрыт.

– Наверное, медальон в кабинете, на столе! – поспешно сказал Никита и закивал мне.

– Я вам потом всё объясню, Александр Васильевич!

Мужчина быстро прошёл в кабинет.

– Ведите их сюда! – послышался его голос.

Второй в сером пиджаке шагнул ко мне. Я сделал шаг назад, но он вдруг ухватил меня за ворот пиджака и потащил за собой, словно лиса, которая несёт в пасти украденного цыплёнка. Он втащил меня в кабинет и толкнул на стул.

Медальон уже был в руках у главного. Он повертел его в пальцах, посмотрел на свет и перевёл взгляд на меня.

– Где вы его взяли? Расскажите подробно, не упуская никаких деталей.

Третий бандит втащил в кабинет Никиту.

– Идите к чёрту! – устало ответил я. – Я сейчас вызову полицию.

– Игорь! – сказал главарь, взглянув на своего помощника.

Тот кивнул и схватил меня за левую кисть. Несмотря на моё сопротивление, вытянул руку на столе и прижал своей ладонью. И у него была та же татуировка, что и у первого! На тыльной стороне кисти идущая по кругу латинская надпись, в ней силуэт одномачтового корабля с тевтонским крестом на парусе.

Тяжёлый кулак с размаху опустился на мою руку. Косточки хрустнули, запястье пронзила острая боль.

– Что вы делаете? – закричал Никита.

И тут же согнулся от быстрого тычка в рёбра, захрипел, зашёлся кашлем.

Я попытался отдернуть руку, но бандит крепко держал её.

– Ну? – повысил голос главарь. – Где ты это откопал? Да отпусти его, Игорь! Дедушка сейчас придёт в себя и скажет.

Он поставил на стол чемоданчик и щёлкнул замками. Затем откинул крышку.

Лежавший на столе амулет вдруг засветился мягким медовым светом. На лице главаря появилась довольная улыбка.

– То, что нужно, – сказал он.

Я почувствовал, что моя рука свободна, и сделал то, чего они не ожидали. Перегнулся через стол, другой рукой схватил амулет и бросил его в окно.

Раздался звон стекла.

Вот так!

Игорь попытался снова вцепиться мне в руку, но я оказался быстрее. Блюдце с ножичком и лимоном я швырнул бандиту в лицо, и он взревел, как раненый медведь.

Получи, гад!

Я сделал шаг к двери, но больное колено подогнулось, меня повело в сторону. Последнее, что я успел увидеть – летевший мне в лицо здоровенный кулак! Затем голова словно взорвалась, и наступила тьма.

Я пришёл в себя под плеск волн. Яркое солнце светило прямо сквозь закрытые веки.

Я попытался открыть глаза, и застонал от нестерпимой боли в голове. Сердце сжалось.

Если они ушли недалеко, то могут вернуться и добить меня, подумал я.

Я ни на минуту не сомневался, что бандиты посчитали меня мёртвым и зачем-то вытащили на берег залива. Может быть, таким образом они хотели замести следы?

Я ещё полежал, прислушиваясь. Ни шагов, ни голосов – только плеск волн. Тогда я осторожно открыл глаза.

Лицо почему-то не болело, только затылок. Я повернул голову налево и увидел узкую бетонную полосу мола, которая уходила далеко в море и заканчивалась небольшим возвышением для размещения пушек. Сколько я мог видеть, мол был пустынен.

Тогда я осторожно повернул голову направо и увидел берег, к которому примыкал мол. На берегу стоял город, и это был не Выборг!

Я закрыл глаза и снова открыл их. Город никуда не делся. Я видел красно-белую башню маяка над невысокими крышами. Некоторые крыши были покрыты черепицей кирпичного цвета, другие – серым листовым железом. Над крышами, пронзительно крича, кружились чайки. А ещё выше, в голубом небе висело ослепительное утреннее солнце.

Почему утреннее? Очень уж оно было яркое, словно его только что вымыли. Да и в воздухе ещё чувствовалась ночная свежесть. И бетон мола, на котором я лежал, был холодным и влажным от росы.

Упираясь в берег, мол переходил в причальную стенку. Вдоль неё, покачиваясь на волнах, стояли корабли. Несколько буксиров и рыболовецких сейнеров.

Опираясь ладонями о мол, я сел и покрутил головой. Затылок болел, но терпимо. Никаких бандитов вокруг не было, Никиты тоже.

Чёрт, куда я попал?

Я посидел ещё пару минут и понял, что могу подняться. Только не спеша, осторожно. Чтобы больное колено снова не подвело.

Я подтянул к себе ноги. Почему-то на них были потрёпанные кеды. Такие кеды я не носил со времён студенческой юности.

Я повнимательнее оглядел себя.

Вытертые на коленках, порядком замызганные коричневые брюки. Синяя клетчатая рубашка с закатанными до локтей рукавами.

Но не одежда удивила меня.

Я увидел свои руки.

Это были руки молодого человека. Ни сухой кожи, ни пигментных пятен, ни выступающих вен и суставов. Нормальные мужские руки – в меру мускулистые, с длинными пальцами. И к тому же – густо поросшие светлыми короткими волосками.

Чёрт, да ведь тот бандит сломал мне руку! Я отчётливо помнил боль и хруст костей!

Я повертел левую ладонь перед собой. Она была совершенно целой. Пальцы сгибались и разгибались, под коротко стриженные ногти уже успела набиться грязь.

Это не мои руки!

Да и ноги тоже. В этом я убедился, ощупав их через плотную ткань брюк. Ноги, по-прежнему, оставались худыми. Но я чувствовал силу в мышцах. Закатал штанину – над чёрной резинкой носка белела полоска незагоревшей молодой кожи.

И колено не болело. Я убедился в этом, несколько раз согнув и разогнув правую ногу.

Я снова посмотрел на ладони и ощупал ими лицо. Щетина налилась. Но она ещё не кололась беспощадно, а была довольно мягкой. Я даже проверил это тыльной стороной кисти.

А вот бороды не было. Твёрдый щетинистый подбородок, довольно широкий. Такие подбородки бывают у очень упрямых людей.

Мне снова захотелось прилечь. Просто, чтобы спокойно обдумать всё, что со мной произошло. Но вместо этого я опёрся ладонями о шершавый бетон мола и поднялся на ноги.

Рядом со мной валялась широкополая шляпа, здорово напоминавшая шляпы американских ковбоев. Я подобрал её, надел и сдвинул на затылок.

Подожёл к низкому парапету, надеясь увидеть в воде своё отражение.

Не тут-то было!

Вдоль всего мола зачем-то были грудой навалены здоровенные бетонные конструкции, похожие на противотанковые ежи. Добраться до воды по их торчащим тупым концам, наверное, было возможно. Но не в моём теперешнем состоянии.

Зато я увидел второй мол. Он тянулся параллельно, метрах в двухстах и тоже выдавался далеко в море.

Два параллельных мола образовали широкий канал, выходивший в море. Этот канал показался мне очень знакомым. Я определённо видел его раньше, и не один раз.

На невысоких волнах покачивалась большая стая чёрно-белых уток. Увидев меня, утки тревожно пискнули и, словно по команде, нырнули. Я невольно остановился, ожидая – когда они появятся на поверхности.

Утки вынырнули метрах в тридцати от меня, и сразу же снова ушли под воду. А я пошёл вдоль мола к берегу.

Город выглядел очень знакомым. Пройдя половину дороги, я узнал его.

Балтийск. Небольшой городок на Балтийской косе в Калининградской области.

В Балтийске я студентом проходил археологическую практику. Мы устроили пробный раскоп возле старой лютеранской кирхи. Весело тогда провели лето!

А ещё я только сегодня улетел отсюда.

Вон там, если пройти десяток километров вдоль белого песчаного пляжа, будет Приморск – совсем маленький городок. Бывшая немецкая деревня Фишхаузен.

Мало, кто верит в старую легенду, но возле Приморска до сих пор растёт священная роща древних пруссов. В этой роще я и отыскал остатки святилища пруссов, а в святилище – амулет их вождя.

Узнав город, я очень обрадовался. Теперь оставались сушие пустышки. Всего-то и надо было понять, как я попал из Выборга обратно в Калининградскую область, почему на мне кеды и широкополая шляпа, и что стало с моими руками.

Ерунда какая!

Это была не истерика, но что-то близкое к ней.

Приостановившись, я сделал несколько глубоких вдохов и снова пошёл к берегу.

Я добрался до пляжа, и кеды сразу увязли в мелком белом песке. Сквозь дырочки шнуровки песок мгновенно набивался внутрь обуви. Я успел сделать только пару шагов и понял, что придётся разуваться и вытряхивать обувь.

Возле воды песок был тёмным и плотным. Ночным ветром на него нанесло водоросли. Я наклонился и увидел между мокрых стеблей кусочек тёмно-жёлтого янтаря.

А ещё я увидел своё отражение. Оно дробилось в холодной балтийской воде, но лицо я узнал сразу. Из воды на меня смотрел я.

Только «я» молодой – лет двадцати с небольшим.

Охренеть!

Я ещё раз взгляделся в колышущееся лицо. Это что же получается?

А хрен его знает! В двадцать с небольшим лет я как раз был на практике в Балтийске. Ну, конечно! Именно так я и был одет тогда. И сокурсники звали меня Ковбоем именно за эту шляпу, которую я зачем-то купил на барахолке у неизвестной бабульки. Кажется, бабулька уверяла, что шляпа – из театрального реквизита, и в ней даже играл кто-то знаменитый!

Я снял шляпу и потрогал затылок.

Больно!

Эта боль напомнила мне об украденном бандитами медальоне и о том, как они меня избили.

А только ли избили?

Похоже, что убили. Раз я теперь здесь, в своём молодом теле, но помню всё, что произошло.

А может, я в коме, под лекарствами? А Балтийск, море и молодость – всё это лишь галлюцинации?

Я положил шляпу на песок, зачерпнул ладонями воду и плеснул её себе в лицо.

Ух!

Холодные струйки потекли за ушами и по груди. По спине побежали мурашки.

Вот бы вспомнить, чувствует человек мурашки, когда он в коме, или не чувствует.

Бред какой-то!

А то, что я внезапно помолодел и загадочным образом перенёсся в пространстве – не бред?

Ха! А ведь если всё это – правда, и я вернулся в прошлое, значит, медальон по-прежнему лежит там, в остатках древнего святилища! Я могу в любой момент забрать его, и тогда эти бандитские рожи здорово огорчатся!

Интересно, почему медальон светился, когда бандит открыл чемоданчик? Насколько я помню, янтарь не светится сам по себе. И почему их так интересовали подробности моей находки? Какая им разница?

Я размышлял об этих странностях, сидя на берегу и вытряхивая мелкий песок из кед. Вспомнил и странную татуировку на руке этого... как его? Игоря!

Надпись латинскими буквами по кругу. В кольце надписи – корабль, а на его парусе – тевтонский крест.

Похоже на какой-то герб.

Если я и впрямь попал в прошлое – значит, у меня появилось время побольше разузнать об этой татуированной банде. А сейчас пора выбираться в город.

Но как я очутился лежащим на моле без сознания и с разбитым затылком?

Я зашнуровал кеды, поднялся на ноги и снова нахлобучил шляпу.

– Вот он! – послышалось сзади. – Берём!

Я быстро обернулся. От набережной ко мне бежал флотский офицер и двое матросов.

Глава 2

Июнь 1970-го года. Балтийск, Калининградская область СССР

Я успел только подняться на ноги. Матросы сразу же вцепились с двух сторон в мои руки. За ними подбежал офицер.

– Александр Гореликов? – спросил он.

– Да.

Я хотел ответить твёрдо, но в горле пересохло. Я сглотнул и повторил:

– Да.

– В комендатуру его! – скомандовал офицер.

Вот в чём я никогда не разбирался – так это во флотских званиях. Срочную службу я провёл водителем в автобате, потом ещё полгода загорал на целине в Северном Казахстане – вместо заслуженного дембеля нас бросили на уборку урожая.

– Пустите! – сказал я, пытаюсь вырвать руки из цепких лап матросов. – Сам пойду!

Матросики были моложе меня. Да и офицер, несмотря на грозный вид, казался чуть ли не ровесником.

Не то, чтобы я собирался сопротивляться. Но и позволять им тащить меня, неизвестно куда – не дело!

Матросики растерянно замерли. Я вырвал правую руку.

– Сказал же – сам пойду! Куда вы меня ведёте?

Я, наконец, разглядел на золотистом погоне офицера одну маленькую звезду.

– Товарищ младший лейтенант?

– В комендатуру, – повторил офицер, уже не так решительно.

– А зачем? Что я сделал?

– Приказано разыскать и доставить!

– Понятно, – протянул я, хотя совершенно ничего не понимал.

В голове крутилась сумасшедшая мысль – а что, если меня каким-то образом вычислили? Узнали, что я попаданец во времени, и тут же арестуют?

Это сильно смахивало на паранойю. Наверное, вид у меня был соответствующий, потому что матросы опять напряглись и норовили схватить меня за руки.

– Всё-всё!

Я поднял руки вверх.

– Иду без вопросов! Ведите!

И мы зашагали вдоль набережной. Впереди шёл младший лейтенант, за ним – я. А за мной, отставая на шаг, шли матросы и следили, чтобы я не рванул в кусты растрёпанного балтийскими ветрами шиповника, который в изобилии рос возле берега.

Колючие, распластанные по земле ветки были сплошь покрыты белыми и розовыми цветами! От цветов шёл густой, одуряюще сладкий запах.

Что-то странное было в этом пейзаже – море, бетон и гранит набережной и поросшие шиповником белые дюны. Как будто чего-то не хватало!

Я незаметно покрутил головой.

Мама дорогая! Памятника нет!

В начале двадцать первого века у этого самого мола установили громадную статую императрицы Елизаветы Петровны. Дело в том, что в её правление Восточная Пруссия ненадолго была завоёвана Российской Империей. А уже потом император Пётр Третий вернул побережье Балтики прусскому королю Фридриху. Вот чиновники и расстарались почтить память императрицы.

Памятник был гигантский, на высоченном постаменте из гранитных блоков. Не заметить его я не мог. Значит, действительно, попал в прошлое.

И тут в мою умную голову пришла спасительная мысль. А не изобразить ли мне амнезию? Тем более что изображать-то было особо нечего. Я совершенно не помнил, что произошло с телом, в которое я попал. Осталась только память старика, которого пристукнули бандиты. Да ещё туманные воспоминания юности.

– Братки, а какой сейчас год? – спросил я у своих конвоиров.

Младший лейтенант сбился с широкого шага. Матросы за спиной фыркнули.

– Под дурачка решил косить? – спросил младший лейтенант. – Не выйдет. Там тебя раскусят.

– Где это «там»? – невольно холодея, поинтересовался я.

– Там, – загадочно повторил лейтенант.

– Да я, правда, ничего не помню – как можно убедительнее сказал я. – Весь затылок расшиб. Голова кружится.

В доказательство своих слов я покачнулся и попытался присесть на асфальт, который уже порядком нагрелся на солнце.

Матросы немедленно подхватили меня сзади.

– Не дури! – строго прикрикнул младший лейтенант. – Посадите его!

Матросы усадили меня на асфальт и опёрлись руками на плечи.

Младший лейтенант снял фуражку и озабоченно вытер ладонью вспотевший лоб.

– Ну-ка, покажи голову! – решил он.

– А ты что, врач? – огрызнулся я.

Но, всё-таки, снял шляпу и наклонил голову вниз.

– На, смотри!

Младший лейтенант подошёл поближе. Я увидел его лакированные ботинки. Затем услышал голос:

– Да, нормально! Кто это тебя так приложил?

Я пожал плечами.

– Не помню. Очнулся на моле. Дошёл до берега, хотел умыться. А тут вы накинулись, и давай руки крутить!

– У нас приказ! – оправдываясь, сказал младший лейтенант. – Задержать студента Гореликова и доставить в комендатуру. Ты идти-то сможешь? Или мне теперь машину вызывать?

Идти жутко не хотелось. Но я представил, сколько времени займёт возня с машиной, которую непременно затеет неугомонный лейтенант. Комендант за это время совершенно озверевает, и меня не ждёт ничего хорошего.

– Смогу, – ответил я, – только не быстро.

И поднялся на ноги.

Мы прошли вдоль набережной и свернули к поросшим травой покатым земляным валам крепости Пиллау. По пешеходному мостику перешли широкий ров, заполненный мутной водой. Возле полукруглых ворот стояли двое часовых. Мы прошли мимо них.

Низкий кирпичный свод заслонила весеннее небо, и я невольно вздрогнул. Показалось, что отсюда я уже никогда не выйду.

Внутренний двор крепости, несмотря на чистоту, производил впечатление серости. Сырой была булыжная отмостка вдоль кирпичных стен. Серый асфальт плаца. Даже белый гипсовый бюст Ленина посерел от весенних дождей.

Наискось через двор меня провели к трёхэтажному зданию из багрового, сильно обожжённого кирпича. Здание то ли осталось с немецких времён, то ли было заново построено из имевшегося под рукой материала. На некоторых кирпичах ещё сохранилась немецкая маркировка.

Узкие окна здания были забраны частыми решётками, сваренными из арматуры. На табличке возле входной двери я успел увидеть надпись «Военная комендатура».

Мы прошли длинным коридором и остановились возле двери, которая была выкрашена серой краской. Младший лейтенант постучал.

– Войдите! – ответили из кабинета.

Мой провожатый толкнул дверь. Матросы вытянулись по стойке «смирно». Младший лейтенант вошёл в кабинет.

– Задержанный студент Гореликов по вашему приказанию доставлен! – доложил он кому-то, сидевшему в кабинете.

– Заводи! – ответил лейтенанту суховатый баритон.

Он показался мне ужасно неприятным.

– Товарищ майор, разрешите доложить! У задержанного не всё в порядке с головой. Рана на затылке и потеря памяти. Ему требуется врач.

– Разберёмся, лейтенант!

Баритон стал резким.

– А с чего ты решил, что у него потеря памяти?

– Задержанный спрашивал, какой сейчас год.

– И ты сказал?

– Никак нет, товарищ майор!

– Молодец! Заводите задержанного!

Один из матросов толкнул меня в бок, и я вошёл в кабинет.

Скорее, это был каземат. Небольшое помещение со сводчатым кирпичным потолком. Стены до закругления оштукатурены и выкрашены серой краской. В стене напротив двери – узкое окно за решёткой.

Боком к окну стоял простой письменный стол, за которым читал бумаги невысокий мужчина с бритой налысо головой. Одет он был в форму защитного цвета с погонами майора.

За спиной майора прислонился к стене огромный стальной сейф, зачем-то выкрашенный в зелёный цвет.

Майор поднял глаза от бумаг.

– Свободны! – кивнул он младшему лейтенанту. – А ты садись.

Я машинально окинул взглядом помещение.

Сесть было некуда.

Майор с улыбкой наблюдал за мной.

– Шутка! – сказал он, весело улыбаясь. – Постоишь. Разговор короче выйдет.

И снова опустил глаза в бумаги. Я переминался перед столом.

Так прошло минут десять. Наконец, майор захлопнул папку и отодвинул её от себя.

– Ну, что, Ковбой! Тебя ведь друзья так называют? Давай, рассказывай!

– Дайте воды, – попросил я.

Пить хотелось давно. Ещё когда мы шли вдоль набережной, я почувствовал, что горло пересохло. Но у патруля воды с собой быть не могло, поэтому я не стал и спрашивать.

– Воды? – удивился майор. – А, может, чаю?

У него была странная привычка – задавать дурацкие вопросы и всерьёз ждать на них ответа. Вот и сейчас он умолк, вопросительно глядя на меня, как будто ожидал, что я соглашусь на чай.

Я тоже молчал.

Майор поднялся из-за стола. Открыл сейф, убрал в него папку с документами, а взамен достал высокий графин с узким горлышком и гранёный стакан. Налил из графина в стакан воды и протянул мне.

– Ну, пей!

Очень хотелось проглотить воду залпом. Но я сдержался и стал пить маленькими глотками. Майор, стоя в двух шагах, внимательно следил за мной.

Я отдал ему пустой стакан. Хотелось ещё воды, но майор больше не предложил. Он убрал графин и стакан обратно в сейф, и снова уселся на стул. Пододвинул к себе другую папку, раскрыл её.

– Давай по порядку, – предложил он.

– Давайте, – согласился я.

– Ты Гореликов Александр, одна тысяча девятьсот сорок седьмого года рождения. Так?

– Так.

Я даже кивнул, чтобы показать согласие.

– Сирота, родителей не помнишь, воспитывался в детском доме в посёлке Осьмино Ленинградской области. Всё верно?

– Верно.

– Хорошо, – сказал майор. – Меньше будет слёз, когда сядешь.

Он снова взглянул на меня, ожидая вопроса.

– За что, товарищ майор?

– Погоди, – довольно улыбнулся он. – Доберёмся и до этого. Давай по порядку. Документы у тебя есть?

Я автоматически поднёс руку к нагрудному карману рубашки.

Паспорта не было.

– Вот видишь!

Майор плотно сжал губы.

– Уже нарушаешь! По закрытой зоне ходишь без документов. А ведь вас настрого предупреждали при въезде. Предупреждали?

– Товарищ майор! – запротестовал я. – Паспорт у меня, наверное, украли! Ведь при въезде в город он был!

– Разберёмся, – кивнул майор. – Давай дальше. Служил в автороте, демобилизован в одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмом в звании рядового. В прошлом году поступил на исторический факультет Ленинградского университета. Проживаешь в общежитии.

Майор отложил папку.

– Что, Гореликов? Устал в общаге бока протирать? Денег захотелось, красивой жизни?

Хотя я и чувствовал, что майор готовит мне какую-то каверзу, но от такого резкого перехода просто охренел.

– Вы о чём, товарищ майор?!

– О чём? А вот об этом!

Майор вскочил из-за стола. Ростом он едва доходил мне до плеча, и яростно взглянул на меня снизу вверх. Не глядя в бумаги, отчеканил:

– Третьего июня одна тысяча девятьсот семидесятого года в составе группы студентов приехал в Балтийск якобы для прохождения археологической практики.

– Почему «якобы»? – попытался спросить я.

Но майор меня перебил:

– В Балтийске вошёл в сговор с преступной группой, которая занимается похищением янтаря и вывозом его за пределы области.

Неожиданно майор с размаху ударил кулаком по столу.

– С кем работаешь в Балтийске? Как вышел на них? Отвечай!

Апрель 997-го года. Польша, Гнезно

– Я получил письмо из Рима.

Князь Болеслав чуть наклонился вперёд и пристально посмотрел на епископа.

Князь, одетый в тёплый кафтан на меху, сидел в высоком резном кресле, которое стояло на возвышении и больше напоминало трон. Епископу Адальберту слуга подал скамейку, обитую кожей. И теперь епископ смотрел на князя снизу вверх, задирая голову. Это было неправильно. Адальберт понимал, что именно потому Болеслав всё так и устроил.

В большом зале было холодно. Вдоль каменного пола свободно гуляли сквозняки. Несмотря на суконную мантию, епископ изрядно замёрз – он простыл ещё на пути из Венгрии в Польшу, и чувствовал себя хорошо только в своих покоях у жарко горящего камина.

– Что пишет святой отец? – спросил Адальберт, стараясь не слишком задирать подбородок.

– Святой отец хочет, чтобы ты отправился на восток и принёс крещение язычникам-пруссам, – улыбнулся Болеслав. – А меня просит всячески помочь тебе в этом важном деле.

Улыбка Болеслава больше напоминала хищный оскал. Губы раздвинулись, обнажая зубы в притворном веселье, но холодные глаза цепко ощупывали собеседника.

– Не знаю, насколько состояние здоровья позволит мне выполнить поручение святого отца, – вздохнул Адальберт.

Он понимал, что всё это напрасно. Папа не оставит его в покое, а Болеслав – тем более. Но так хотелось хоть немного потянуть время.

– Все мы ходим под Богом, – снова улыбнулся князь. – И всем нам надлежит исполнять предначертанное. Мне суждено Божьей волей объединять Польшу, а тебе – нести свет Христа язычникам, которые заблудились во мраке неверия.

Князь поучает епископа, с возмущением подумал Адальберт. Что за времена?!

– Святой отец ждёт твоего ответа, – веско сказал князь.

– Я напишу ему, – кротко склонил голову епископ.

Да, ближние к папе кардиналы так и не простили Адальберту его выступлений против роскоши. Когда он был епископом Пражским, он несколько раз позволил себе резко высказаться по поводу стяжательства сильным этого мира.

Результатом стала миссия в восточную Венгрию, где Адальберт провёл два года, пытаясь Христовым словом воздействовать на кочевников-скотоводов. А этот их язык!

И вот теперь Пруссия! Дикая лесная страна на берегу холодного моря. Что он сможет там, один? И увидит ли хоть когда-нибудь родную Прагу?

– Конечно, напиши, – согласился Болеслав.

За окном, во дворе замка раздались грубые окрики. Кто-то спорил, повышая голос.

Князь поднялся с кресла так резко, что епископ едва не отшатнулся. Болеслав хмыкнул и быстро прошёл к узкому окну. Выглянул на улицу, зло втянул холодный сырой воздух. Повернулся и нетерпеливо махнул рукой Адальберту.

– Подойди, епископ!

Адальберт, стараясь не опираться руками о низенькое сиденье, поднялся на ноги и подошёл к князю.

Внизу, на присыпанной неожиданным утренним снегом брусчатке виселась старая, уже потемневшая виселица. Две опоры из наклонных столбов, и длинное бревно между ними – вот и вся конструкция. Под виселицей на деревянных чурбаках стояли трое крестьян. Их руки были связаны сзади, на тощих шеях – петли, полускрытые растрёпанными бородами.

Двое стражников князя отталкивали от виселицы священника в грубой холщёвой рясе.

Адальберт узнал Радима.

– Что там затеял твой брат? – резко спросил Болеслав.

– Думаю, он хочет отпустить этим несчастным грехи перед смертью, – тихо ответил Адальберт.

– Это разбойники! – резко возразил Болеслав. – И разбойничали они на моей земле, а значит – грешны передо мной! Я и буду решать, кому отпускать грехи, а кого повесить так, словно бешеную собаку. Уберите его!

Последние слова князь выкрикнул, обращаясь к стражникам. Те испуганно вскинули головы к окну зала, затем подхватили священника под руки и оттащили в сторону.

– Вешайте их, чего вы ждёте? – продолжал неистовствовать Болеслав.

Его голос, привыкший перекрывать командами шум сражения, гулко разносился по двору.

Оставшийся возле виселицы стражник быстро выбил чурбаки из-под ног казнимых. Крестьяне повисли, судорожно дёргая ногами. Один, самый рослый, дотянулся кончиками лаптей до брусчатки и стоял на цыпочках.

Стражник выдернул меч и хотел ударить повешенного по ногам. Но князь с громким смехом остановил его:

– Не надо! Пусть мучается... сколько сможет!

Адальберт молча отвернулся от окна. Вечером надо будет поблагодарить Радима за смелость, но и предупредить, чтобы поменьше лез на рожон. Князь Болеслав не прощает обид. Его мачеха с двумя сводными братьями до сих пор скитаются по всей Европе, ищут, где преклонить голову. А двоим их сторонникам выкололи глаза и бросили в казематы замка.

Князь вернулся на возвышение и снова сел в кресло, вытянув длинные ноги. Впился сильными пальцами в подлокотники.

Епископ молча опустился на скамейку. Ледяная кожа холодила даже сквозь мантию.

– Ехать тебе всё равно придётся, – как ни в чём не бывало, продолжил разговор Болеслав. – Рим сказал своё слово, и я поддержу его. Дороги скоро просохнут. А я снабжу тебя всем необходимым для дальнего пути. Поедешь через Гданьск, а там берегом доберёшься до Пруссии. И возьми с собой своего брата. От его рвения будет больше пользы в Пруссии, чем при моём дворе.

Епископ кивнул, полагая, что разговор окончен. Но Болеслав жестом остановил его.

– Год тому назад я принял тебя со всеми возможными почестями, – сказал Болеслав, пристально глядя на Адальберта. – И теперь ты можешь оказать мне дружескую услугу.

Вот и началось, подумал епископ. Он предполагал, что без этого разговора князь его не отпустит.

– Пруссия велика и неизведанна, – продолжал князь. – Ходят слухи, что пруссы поклоняются змеям, медведям и священным деревьям. Язычники, враги Христа!

Князь снова улыбнулся тонкими губами.

– Но земли у них богатые. И никому неизвестно – сколько воинов скрывается в прусских лесах. Узнай для меня как можно больше, епископ. Заведи дружбу с их князьями. Выясни – кого из них можно склонить на мою сторону. И я не останусь в долгу. Напишу в Рим, что ты с честью выполнял поручение папы, и не твоя вина, что язычники оказались чересчур дикими и упрямыми. Глядишь – и вернёшься в свою любимую Прагу!

Болеслав сухо засмеялся.

Возражать всесильному польскому князю было опасно. Особенно теперь, когда он разочарован опальным епископом. Болеслав приглашал Адальберта к себе, надеясь через него добиться особого расположения Папы. Но теперь Святой отец явно выразил своё нежелание видеть Адальберта в Европе. Значит, и Болеславу епископ не нужен.

Адальберт это понимал. И всё-таки, возразил.

– Святой отец хочет, чтобы я привёл пруссов к истинной вере. Именно за этим я и отправлюсь в Пруссию. Прости, князь, но земные богатства и воинские искусства язычников меня не интересуют. Да и не разбираюсь я в них.

Болеслав удивлённо посмотрел на епископа. Нахмурился, сжал правую руку в кулак и пристукнул по подлокотнику. Но сдержался.

– Вы отправитесь завтра на рассвете. Все необходимые припасы я велю приготовить. Тебя и твоего брата будет сопровождать монах Бенедикт. Располагай им, как тебе будет удобно.

Князь поднялся, показывая, что встреча окончена. Адальберт тоже встал. Секунду раздумывал – не протянуть ли князю руку для поцелуя. Болеслав ждал, с усмешкой глядя на епископа. Епископ сдержался, кивнул князю и неторопливо пошёл к выходу.

Болеслав проводил его задумчивым взглядом. Подождал, пока епископ отойдёт подальше и крикнул слугу.

– Бенедикта ко мне, живо! Я у себя в покоях.

Адальберт расслышал окрик князя, но слов не разобрал. Погружённый в свои мысли епископ спустился во двор замка. Чтобы попасть в свои комнаты, ему надо было пройти мимо виселицы.

Двое казнённых висели, судорожно вытянувшись. У третьего подломились колени, он обмяк в петле, касаясь лаптями земли, и тоже не шевелился.

Брат Радим стоял на коленях прямо на заснеженной брусчатке и, закрыв глаза, шептал заупокойную молитву.

Епископ Адальберт опустился рядом с братом. Поднял глаза к небу и произнёс на латыни:

– Вечный покой даруй им, Господи, и да сияет им свет вечный. Да почивают в мире. Аминь.

В личных покоях польского князя весело потрескивал камин. Тепло волнами расходилось по комнате. Несмотря на день, в комнате царил полумрак – солнце едва проникало внутрь сквозь слюдяные пластинки, вставленные в свинцовые рамы.

Слуга по кивку князя быстро зажёл толстые восковые свечи. Поставил на низкий стол деревянное блюдо с мясом и кувшин ячменного пива.

Князь растегнул меховой кафтан, уселся на лавку, застеленную мехами.

– Зови! – крикнул он.

Скрипнула низкая толстая дверь. На пороге стоял невысокий кряжистый монах в полотняной рясе. Он низко поклонился князю.

– Проходи, Бенедикт! – сказал Болеслав и сверкнул в улыбке крупными зубами. – Садись, ешь!

Бенедикт сделал два шага вперёд и в нерешительности замер посреди комнаты.

– Сядь! – нетерпеливо повысил голос князь. – И ешь! Пива выпей.

Монах молча опустился на низенькую скамейку возле стола. Взял кусок мяса, мгновение помедлил и жадно впился в него зубами. Не прекращая жевать, с бульканьем налил в деревянный кубок пиво из кувшина. Выпил, не отрывая взгляд от князя, и вытер губы рукавом рясы.

– Хорошо, – кивнул Болеслав.

Монах тут же поставил кубок на стол и замер, сложив руки на коленях.

Болеслав снова одобрительно кивнул. Этот Бенедикт нравился ему своим нарочитым послушанием.

– Теперь слушай, – сказал князь. – Завтра ты отправишься с епископом Адальбертом и его братом в Пруссию. Мне нужно, чтобы ты как можно больше разузнал о земле пруссов – чем она богата, какие племена на ней живут, сколько воинов. Понял?

Бенедикт молча кивнул.

– Узнай, враждуют ли пруссы между собой. Попытайся втереться к ним в доверие. И ещё...

Болеслав замолчал. Монах терпеливо ждал продолжения.

– Ты раньше был рыбаком?

– Да, княже, – чуть хрипловато ответил Бенедикт.

– Значит, воды не боишься, и плавать умеешь?

– Умею.

– Хорошо. В Гданьске купи лодку – на ней вы доберётесь быстрее и надёжнее.

Болеслав отвязал от пояса кошелек и бросил его на стол. Кошелек глухо звякнул.

– Если епископ Адальберт и его брат утонут во время шторма – я не слишком расстроюсь. Ну, а твоего возвращения жду с нетерпением. Наградой не обижу.

Князь отвёл взгляд всего на одно мгновение, а когда снова посмотрел на Бенедикта – кошелек на столе уже не было.

Монах легко поднялся со скамейки.

– Всё понял, княже! – сказал он и глубоко поклонился.

Глава 3

Июнь 1970-го года. Балтийск, Калининградская область СССР

Майор вцепился в меня как бульдог – хоть разжимай челюсти монтировкой.

Вот когда я порадовался своему настоящему возрасту. Если я чему и научился за прожитые семьдесят шесть лет – так это разбираться в людях. Ну, и ещё некоторым вещам. Например, анализировать информацию.

Только вот в Никите ошибся. Обычное дело, когда человек тебе симпатичен. О симпатичном человеке часто думаешь лучше, чем он того заслуживает.

Точнее, не ошибся. Знал я, что Никита любит деньги. Вот только не знал – насколько.

А может, я и несправедлив к парню. Кто знает, как те бандиты на него вышли и чем пригрозили.

Глядя на орущего майора, я очень ясно понял, что у него на меня ничего нет. Есть какие-то основания для допроса, о которых я не знаю, но и только. И сейчас он просто-напросто пытается взять меня на пушку, надеясь, что я не выдержу и добавлю ему информации.

Эту мою догадку подтверждал взгляд майора – цепкий, прощупывающий, холодный.

Но и ссориться с майором безопасности в мои планы не входило. В том, что майор принадлежит к особистам, я не сомневался. Кто ещё может приказать военному патрулю задержать гражданского и доставить в комендатуру?

Поэтому я состроил растерянное лицо и забормотал:

– Товарищ майор, я ничего не помню! Очнулся утром на моле, голова разбита! Хотел в город пойти, а тут патруль меня задержал и к вам привёл! Я ничего не нарушал!

– Ты мне жертву из себя не строй! – завизжал майор. – Твои друзья всё рассказали! Что ты договорился о незаконной покупке янтаря и пошёл на встречу с преступниками. Когда ты не вернулся к утру, они не выдержали и подняли тревогу.

Хороши же у меня друзья, нечего сказать! Но с какого перепугу я вдруг кинулся покупать незаконно добытый янтарь? Зачем он мне?

– Ничего не знаю, – упёрся я. – Никакой янтарь я покупать не собирался. Вышел прогуляться, а на меня напали и ограбили.

– Кто напал? – прицепился майор.

– Да не помню я! Меня сзади по голове ударили, я вообще никого не видел! И не помню ничего.

Таким чудесным образом мы с майором провели часа два. Он то садился на стул и что-то записывал с угрожающим видом, то вскакивал и снова принимался орать и задавать вопросы. Я всё это время стоял, и к концу допроса у меня уже начали подкашиваться ноги. Да и голова разболелась так, словно меня ей о стену колотили.

В самый разгар веселья в дверь кто-то постучал.

– Кто там? – недовольно спросил майор.

Наверное, ему казалось, что он почти меня дожал. Но он ошибался. Дожать такого ушлого деда, как я, да ещё и пережившего смерть, а за ней – воскрешение? На это у майора силёнок бы не хватило.

– Товарищ майор, тут паспорт принесли! Женщина нашла – валялся возле пирса.

– Что за паспорт? – вскинулся майор. – Чей?

– Какого-то Гореликова Александра.

– Ну, вот видите! – вскинулся я. – меня ударили по голове и ограбили. Вытащили деньги и паспорт. А паспорт потом бандиты выкинули! Я читал, что они так делают.

– Читал он! – снова вскипел майор.

Он взял паспорт из рук дежурного и внимательно изучил. Зелёная книжечка была вся в налипшем белом песке.

– Значит, кто на тебя напал, ты не видел? – спросил он.

Я вздохнул. Показалось, что сейчас мы в сотый раз пойдём по тому же кругу вопросов и ответов. Я собрал последние силы и покачал головой.

– Нет, не видел.

– И янтарь покупать не собирался?

– Да зачем он мне? Я студент-археолог, а не контрабандист!

Эх, знал бы ты, майор, что именно янтарь я вывез отсюда... когда? Пятьдесят четыре года тому вперёд, вот когда! Но об этом ты никогда не узнаешь.

Майор брезгливо, двумя пальцами протянул мне паспорт.

– Ладно. Забирай и вали отсюда. Но помни, Гореликов – ты у меня вот где!

И майор показал мне сжатый кулак.

– Законопачу в такую даль, что никто не найдёт. Понял?

Я не стал ничего отвечать. Кажется, именно это моё умение злило майора больше всего. Немного помолчав, он хмуро буркнул:

– Свободен!

Я не стал дожидаться дополнительного приглашения. Повернулся и вышел в коридор, не забыв закрыть за собой дверь. Очень хотелось прислониться к стене и закрыть глаза. Но вместо этого я пошёл по коридору прямо к выходу из здания.

Металлическая входная дверь была открыта. Из неё в коридор наискось падал прямоугольник солнечного света. Он казался таким невероятно-замечательным в этих унылых кирпичных стенах, что я прикусил губу.

До последнего шага я опасался, что кто-нибудь меня остановит и вернёт в кабинет майора. Но никто не остановил.

Я благополучно вышел во двор крепости, миновал его. Прошёл внушительную кирпичную арку ворот и оказался снаружи крепости Пиллау.

По обеим сторонам ворот по-прежнему скучали часовые. Кроме них перед крепостью переминалась с ноги на ногу довольно странная компания.

Подходить близко к воротам они опасались, поэтому стояли на другом берегу крепостного рва, возле перекинутого через ров мостика.

Здоровенный плечистый верзила как раз запустил огромную пятерню в соломенные волосы и сосредоточенно чесал в затылке.

Рядом с ним недовольно нахохлился невысокий тощий парень с острыми чертами лица. Руки он засунул в карманы брюк. Локти оттопырил в стороны и был похож на драного, но задиристого петуха. Для полного сходства тёмные волосы на его голове стояли непослушным хохолком.

О перила мостика опёрлась девушка. Невысокая, черноволосая, с чуть тяжеловатой спортивной фигурой. Кудрявые волосы она стянула в хвост, который спускался почти до талии.

Верзила увидел меня первым и заорал на весь парк:

– Сашка! Ковбой!

Девушка вздрогнула и обернулась. Я увидел, что чёрные у неё не только волосы, но и брови.

– Саша! – воскликнула девушка вслед за верзилой.

Она легко перебежала через мостик и неожиданно бросилась мне на шею.

– Саша! Тебя отпустили?

Девушка была мягкой, тёплой и пахла цветами. Наверное, духи у неё были с цветочным запахом. От её неожиданной близости я вдруг почувствовал... Вот, чёрт!

В общем, я почувствовал то, о чём напрочь забыл в последние лет десять, если не больше. Брюки вдруг стали тесными, и я покраснел.

Тощий парень выдернул руки из карманов и тоже устремился к нам.

– Я же говорил, что его отпустят! – тонким голосом выкрикнул он. – А вы мне не верили! Оля, отцепись от Сашки, а то я начну ревновать!

В его голосе и вправду слышалась ревность.

Я осторожно освободил шею из объятий девушки.

– Я так рада! – сказала она. – Не слушай Севку – он, как всегда, говорит ерунду. Где ты пропадал всю ночь? Мы беспокоились! А утром Валерий Николаевич весь лагерь поднял на уши из-за того, что ты пропал. Ты что, правда, хотел купить янтарь?

– Да нет, зачем? – машинально ответил я, ошеломлённый таким натиском.

Девушка ещё что-то спрашивала, но я почти не слушал. Глубоко дышал, чтобы успокоить нечаянно восставший молодой организм и одновременно старался не забыть их имена. Оля, Севка...

Судя по всему, это и были те самые мои друзья, о которых упоминал майор.

Я не помнил всех своих сокурсников. Всё-таки, пятьдесят лет прошло. Да и жизнь немало пошвыряла меня по свету.

Но вот здоровяка я узнал сразу. Мишка Торопецкий – друг юности и коллега. Мы мало работали вместе, но приятельствовали с учёбы в институте и до самой Мишкиной гибели в девяносто седьмом. Он погиб в автокатастрофе – ночью не справился с управлением на скользкой дороге.

А сын Мишки, Никита, учился у меня. Потом мы с ним вместе работали. А потом...

От размышлений меня оторвал Севка. Он подошёл и бесцеремонно ткнул меня в бок острым кулаком.

– Что ты им разболтал? – спросил он, подозрительно глядя на меня.

– О чём? – удивился я.

– Сева, прекрати немедленно! – нахмурилась Оля. – Саша никогда бы ничего не разболтал.

– Вы сами-то что про меня наговорили? – перешёл я в атаку. – Какой-то краденый янтарь, преступники! С ума сошли, что ли?

– Тише! – шикнул на меня Севка и тревожно обернулся. – Вот что, пошли отсюда!

Я был полностью с ним согласен. Очень хотелось свалить как можно дальше от комендатуры.

Мы перебрались через ров и пошли в сторону проспекта Ленина.

– Так ты встречался с ними? – напряжённым шёпотом спросил меня Севка.

– С кем? – обозлился я. – Слушай, я вообще ничего не помню! Похоже, мне по башке врезали. Очнулся только утром, на моле. А тут патруль!

– На моле?

Севка подпрыгнул от возбуждения.

– Ну, правильно! Там мы с ними и договаривались!

– Да с кем «с ними»? Объясни по-человечески!

– А ты не помнишь?

– Говорю же – нет! Так врезали, что память отшибло.

Про себя я твёрдо решил держаться этой версии. Про свою молодость я помнил ровно столько, сколько и должен был – розовый туман, отдельные подробности, и больше ничего. А память молодого Александра Гореликова совершенно не спешила возвращаться.

Через десять минут расспросов и пререканий мне удалось выяснить, что Севка решил сделать Оле особенный подарок ко дню рождения. Возле станции он наткнулся на каких-то

местных гопников, которые предложили студенту из Ленинграда купить у них по дешёвке большой камень янтаря.

– Они сказали – с кулак!

Встречу назначили ночью на том самом моле. У Севки хватило ума рассказать эту мутную историю мне. Я сначала отговаривал его, а потом решил идти с ним вместе. Но Севка воспротивился.

– Договорились, что я приду один!

И тогда я, как дурак, вызвался идти вместо него. Понадеялся, что меня шпана разводить поостережётся. И либо никто не придёт, либо я и впрямь добуду необычный подарок.

Слушая Севку как бы со стороны, я не уставал изумляться собственной дурости. Очевидно же, что это банальный развод! А если и нет – что бы мы стали делать с этим янтарём? Под матрасом прятать?

И вроде бы взрослый человек, в армии уже отслужил. А ума – как у школьника!

– Слушай, а деньги? – вспомнил Севка. – Деньги целы?

– Извини, денег тоже нет.

Я пожал плечами. Понятно же, что по голове меня стукнули не просто из любви к искусству. Нападавшими двигало вполне понятное желание пожить за счёт заезжего идиота.

– А сколько денег было?

– Тридцать рублей, – грустно ответил Севка. – Мы по десятке скинулись.

– Я же говорила, чтобы вы ничего не выдумывали! – упрекнула его Оля. – Всё ты, Севка! Саша, покажи голову!

Несмотря на мои протесты, Оля сняла с меня шляпу.

– Ну, ничего себе! Тебе надо немедленно показаться врачу – тут такая ссадина!

– Да не надо, – отмахнулся я и поморщился.

Голова, всё-таки, болела.

– А куда мы идём? – спросил я своих неожиданно обрётённых товарищей.

– Как куда? – удивился Севка. – В «казарму», конечно! Ох, Михалыч тебе и выдаст!

Я даже остановился – так ясно вспомнил Валерия Михайловича Строгова, руководителя нашей экспедиции.

Совершенно седой в свои сорок три года, он всегда ходил в военной форме без знаков различия. В войну Валерий Михайлович потерял всю семью. Четырнадцатилетним пацаном прибил к партизанам в Белоруссии, попал в окружение. Чудом выжил и выбрался к своим. Немного подлечился и стал снова проситься на фронт, но не успел. Война закончилась.

Историю своей жизни Валерий Михайлович рассказал мне намного позже, когда я под его руководством закончил аспирантуру и успешно защитил кандидатскую.

Казалось невероятным, что сейчас я снова увижу своего преподавателя, услышу его чёткий, хорошо поставленный голос:

– Студент Гореликов! Где вы изволили пропадать всю ночь?

Апрель 997-го года. Польша, Гнезно – Гданьск

Утром Адальберт столкнулся с новой неожиданностью. Он надеялся, что Болеслав даст им хотя бы простую повозку и несколько людей в сопровождение. Но на замковом дворе епископа и Радима ждал только невысокий коренастый монах. На верёвке, которую монах носил вместо пояса, висел небольшой нож в кожаных ножнах. Монах держал под уздцы понурюю гнедую лошадь, навьюченную двумя тюками.

Едва сдерживая гнев, Адальберт оглянулся на замок. И в окне княжеских покоев увидел тень. Болеслав сквозь стекло наблюдал за их печальным отъездом.

Неужели князь не понимает, как опасно путешествовать по Польше троим монахам? Если они погибнут, не добравшись до Пруссии – как Болеслав объяснит это Риму?

Холод пробежал по спине Адальберта. Ясно же, что Риму нет никакого дела до опального епископа. Не станет папа из-за него ссориться с могущественным польским князем. Адальберт отвернулся от окна и посмотрел на нового спутника, которого явно приставил к нему князь.

Монах неторопливо поклонился епископу.

– Меня зовут Бенедикт, – негромким, но уверенным голосом сказал он. – К услугам Вашего преосвященства. Я плохо знаю дорогу до Гданьска, но надеюсь, что господь будет милостив к нам. Нам лучше поспешить, чтобы не пришлось ночевать в лесу.

Ну, что ж... Значит, так тому и быть.

Епископ не просто сдержал досаду на князя. Вопреки ей, он поднял руку и благословил княжеский замок. Что бы тебе не сделали – всегда отвечай добром. Эту заповедь епископ Адальберт ставил выше других.

– Идём! – кивнул он ожидавшему Бенедикту. – Идём, Радим!

Повешенных с виселицы уже сняли, и епископ счёл это хорошим знаком.

Под неторопливый цокот лошадиных копыт, монахи покинули двор замка. Перешли ров по узкому мостику, и вышли на дорогу, которая вела из Гнезно к Висле и дальше, вдоль реки – к сырому морскому побережью.

Через час быстрой ходьбы епископ согрелся. Несмотря на высокий сан, Адальберт был не ещё не стар, да и лишний вес не тяготил епископа. Адальберт, как и его брат, привыкли к монашескому житью. Бенедикт молча вёл под уздцы лошадь, которая тоже оказалась довольно выносливой животинной.

– Насколько хорошо ты знаешь эти места? – спросил Адальберт, догнав Бенедикта.

– Не очень хорошо, – ответил монах. – В молодости я был рыбаком, но жил далеко к западу отсюда.

– Можешь называть меня братом Адальбертом, – сказал епископ. – Перед Богом все равны, а тем более – в пути. Расскажи – как ты стал монахом?

– Очень просто, – пожав плечами, ответил Бенедикт. – Я родом из небольшой рыбацкой деревушки под Щецином. Польские войска напали на нашу деревню. Многих убили, кое-кому удалось спастись. Меня тяжело ранили – проббили стрелой руку и полоснули саблей по спине. Хорошо, что лезвие прошло вскользь по рёбрам. Я бы умер от потери крови, но на моё счастье меня выходил монах, который пришёл вместе с войском. Он был из монастыря в Гнезно. Перевёз меня на монастырский двор, крестил. Братья ухаживали за мной, пока я не поправился. Выздоровев, я остался при монастыре, чтобы работой отблагодарить братьев за спасение. Да так и прижился. Меня обучили латыни, одно время даже книги переписывал.

– Хорошая история, – выслушав, кивнул епископ. – Разными путями приходят люди к служению Христу. Давно это было?

– Двадцать лет тому назад, – ответил Бенедикт.

– А что ты скажешь о пути, который предстоит нам?

Бенедикт снова пожал плечами.

– Городов нам больше не встретится. Только деревушки, в основном – вдоль реки. Если повезёт – найдём ночлег в крестьянских домах. Сожалею, что Вашему преосвященству приходится путешествовать в таких условиях.

Адальберт только усмехнулся, вспомнив степи восточной Венгрии. Там люди жили в войлочных юртах, которые легко разбирать и перевозить на новое место. А питались лошадиным молоком и сырым мясом.

Ох, как туго тогда пришлось Адальберту. Если бы не медный котелок, и не мешок ячменя, который они захватили в дорогу – не выжил бы епископ на одном кислом молоке. А

с ячменной кашей и божьей помощью – не только выжил, но и склонил кочевников к христианству.

– Ничего, – ответил Адальберт Бенедикту. – И в крестьянском доме есть место теплу и богу.

Вдоль дороги тянулись кое-как распаханное поля, которые перемежались редкими перелесками. Ближе к вечеру на одном из полей монахи увидели странную картину.

Две женщины – старая и молодая – впряглись в деревянный плуг и тащили его, изо всех сил упираясь босыми ногами в тяжёлую сырую землю. За ручками плуга шли двое подростков. Изо всех сил наваливаясь на рукояти, они старались не дать суковатому лемеху выскочить из борозды. Получалось у подростков плохо – даже вдвоём они не дотягивали до веса взрослого мужчины.

Увидев монахов, женщины бросили плуг и упали на колени. Утирая пот со лба, Адальберт благословил женщин и стал расспрашивать. Оказалось, что их мужики сгинули на последней междоусобной войне, которую князь Болеслав вёл против своей мачехи и сводных братьев. Лошади пропали там же, а сеять надо, иначе ребяташки помрут с голоду. Вот женщины и впряглись в плуг.

– Зерно-то у вас есть? – спросил Адальберт.

Оказалось, что зерно есть. Хватит и на посев, и прокормиться до нового урожая, особенно если мешать ячмень с толчёной сосновой корой.

– Бог милостив, – сказал Адальберт и, взглянув, на темнеющее небо, решил остановиться на ночлег у этих женщин. По крайней мере, с их стороны можно было не опасаться нападения.

Оказалось, что обе семьи ютились в землянках, возле кое-как сложенных дымных очагов. На раскалённых камнях пекли лепёшки из грубо растолчённого зерна – муки не было. До мельницы ехать далеко, и везти зерно не на чем. И платить за помол – тоже нечем.

Молча приняв из рук старухи лепёшку, Адальберт невозмутимо откусил её и поблагодарил хозяйку. А затем велел Бенедикту развязать тюки и достать взятые в дорогу сыр и вяленую рыбу.

После ужина женщины с ребяташками ушли в другую землянку. Адальберту Бенедикт постелил на единственной лавке. Радим улёгся на земляном полу, бросив вытертую волчью шкуру поближе к тёплым камням очага. А сам Бенедикт отправился ночевать на улицу, чтобы лихие люди или волки не оставили путников без лошади.

Ночью Адальберт то и дело просыпался. Его будили холод, храп лошади за тонкой кровлей землянки и собственные беспокойные мысли. Рано утром он поднялся с лавки и вышел на улицу. Вдвоём с Бенедиктом они впрягли лошадь в плуг и молча принялись пахать сырое поле, которое вчера не допахали женщины с ребяташками. Бились почти весь день, а когда закончили, оказалось, что трогаться в путь сегодня уже не имеет смысла. Так монахи снова заночевали в землянке, где с потолка падали на лицо кусочки высохшей сосновой коры.

– Тяжело живёт народ, – сказал Бенедикт, когда на следующее утро они вышли в путь.

Радим вчера тоже не сидел без дела. Пока Адальберт с Бенедиктом пахали, он натаскал бабам хвороста и нарубил дров. Хоть небольшая, а помощь.

– Ну, ничего, – добавил коренастый монах, словно утешая кого-то. – Лето выживут на грибах и ягодах. А там и новый хлеб будет. Только бы обошлось без войны.

Войны боялись все. Война – это сожжённые деревни, вытопанные поля и убитые или угнанные в рабство мужчины. Война – это голод и болезни, которые беспощадно добивают тех, кому повезло не получить стрелу в грудь или удар саблей.

Так, верста за верстой, деревня за деревней, монахи продвигались в сторону Гданьска.

На въезде в Гданьск им попалась единственная в округе корчма. Эту рыбацкую деревушку князь Болеслав выбрал для строительства берегового укрепления и ещё осенью послал сюда отряд воинов во главе с воеводой. А где укрепления и воины – там, известное дело, и

ремесленники. Ведь надо ковать лошадей, выделывать и чинить сбрую, мастерить наконечники для стрел. Вот и сходятся к укреплению мастера со всей округи, надеясь заработать медную, а то и серебряную монету.

Ну, а где мастера и работники – там не обойтись и без корчмы.

Корчма оказалась деревянным двухэтажным зданием. Задней дверью она выходила к реке, куда было очень удобно сливать помои с кухни. Передними окнами корчма смотрела на деревенскую площадь.

На первом этаже был полутёмный, уставленный тяжёлыми столами и лавками питейный зал. На втором – пара комнат для проезжающих. В комнатах стояли дощатые кровати, и даже рукомойники имелись. А хозяин, увидев деньги, пообещал поспешить с ужином и приготовить для духовных гостей рыбу и овощи.

Рыба оказалась мелкой морской салакой, а овощи – нестерпимо кислой передержанной в бочке капустой. Тушение только чуть приглушило кислоту, и Адальберт мрачно подумал, что изжоги не миновать. Они с Радимом сняли одну комнату на двоих, а Бенедикт решил спать в конюшне и присмотреть за лошадью.

Адальберт запивал кислую капусту водой из грубого деревянного кубка и размышлял о предложении Бенедикта. Монах настаивал на том, что им лучше продать лошадь в Гданьске, а самим нанять или купить лодку.

– Двигаться на восток берегом опасно, – говорил Бенедикт. – Я сегодня потолкался на рынке, расспросил людей. Говорят, что места там глухие. Много лихих людей, которые бежали от войны и налогов и теперь промышляют рыбной ловлей. Но и путников мимо себя не пропустят.

– Может быть, здешний воевода даст нам стражников в провожатые? – с надеждой предположил Радим.

Адальберт только покачал головой. Наверняка у воеводы мало людей, и выделять сопровождение епископу он не станет. Тем более, если осведомлён о распри Адальберта с князем Болеславом.

– А кто будет править лодкой? – спросил Адальберт Бенедикта.

– Я уже говорил вам, что в юности был рыбаком. С парусом обращаться умею, да и о здешних берегах кое-кого расспросил. Мы поплывём вдоль берега, а дальше начнётся песчаная коса. Возле неё здешние рыбаки уже встречали лодки пруссов, но близко не подплывали.

Корчма гудела, наполняясь людьми. Мастеровые, натрудившись за день, торопились выпить кружку пива, чтобы развеселиться. Весело перекликались голоса, где-то в противоположном углу взвизгнула женщина.

Адальберт передёрнул плечами. Хотел встать из-за стола и уйти в комнату, но не успел. Подвыпивший плечистый мастеровой заметил монашеские рясы. Нагло прищурился, опрокинул в себя целиком кружку пива и, пошатываясь, подошёл к столу, за которым сидели монахи.

– Смотрите, кто к нам пожаловал! – крикнул он, привлекая внимание товарищей. – Никак в нашей деревне появились монахи. А у монахов водятся деньжата, это всем известно! Может, слуги Господа угостят бедных жителей Гданьска?

Глава 4

Июнь 1970-го года. Балтийск, Калининградская область СССР

Ох, и устроил же нам выволочку Валерий Михайлович! Мы вчетвером стояли перед ним, виновато опустив головы. А преподаватель расхаживал вдоль нашего короткого строя, заложив руки за спину.

– Чем вы только думали? Ловить контрабандистов на живца! Гореликов, а если бы они тебя убили? Ну, хорошо – родителей у тебя нет, сам жизнью не дорожишь. Но как ты мог не подумать о товарищах? А что, если нам прикроют практику? Ты же знаешь, что Балтийск – закрытый город. Декану стоило таких трудов выбить для нас пропуска. Археологическая экспедиция!

Эти слова Валерий Михайлович насмешливо протянул.

– А на деле – пацаны, которые не наигрались в ковбоев! Сколько тебе лет, Гореликов?

– Двадцать два, Валерий Михайлович! – ответил я.

– Двадцать два! – подхватил преподаватель. – Аркадий Гайдар в твои годы полком командовал, а ты!

– Мы хотели, как лучше, Валерий Михайлович! – насупившись, протянул Мишка.

– Как лучше они хотели! Вот выставить бы вас отсюда к чёртовой матери, да отчислить с факультета! И вам польза будет, и другим – наука! Что у тебя с головой, Гореликов?

– В каком смысле? – не понял я.

– В прямом смысле, Саша! Я знаю, что она у тебя опилками набита! Но и опилки можно сотрясти. Ну-ка, покажи затылок!

Я послушно стянул шляпу.

Валерий Михайлович твёрдой рукой нагнул мою голову вперёд, чтобы разглядеть ссадину.

– Хорошо приложили, ничего не скажешь! Марш в санчасть – пусть промоют и обработают ссадину! А вы, голуби, с завтрашнего дня всю неделю будете дежурить по кухне! И никаких вам раскопов, ясно? Гореликов! После санчасти присоединишься к своим друзьям! Брысь по комнатам, и чтобы я вас сегодня не видел!

Нашу экспедицию разместили в здании старых немецких казарм. Длинное двухэтажное здание стояло вдоль проспекта Ленина, не выходя на него фасадом. Мы занимали недавно отремонтированные комнаты на втором этаже, куда приходилось подниматься по узкой деревянной лестнице.

Вообще, такие комфортные условия нехарактерны для археологической экспедиции. Обычно археологи работают в поле – живут в палатках и питаются в полевой кухне. Но мы проводили раскоп прямо в городе, у северной стены старой кирхи. Поэтому и поселили нас тоже в городе.

– Вот попали, так попали! – бросил Севка, плюхнувшись на кровать.

Железная пружинная сетка жалобно скрипнула.

– Сами виноваты, – рассудительно ответил Мишка.

Он пострадал вообще без вины. Идея насчёт янтаря была Севкина, а воплощать её взялся я. Зная характер Мишки, я был уверен, что он нас отговаривал, но безуспешно. А чистить картошку на кухне теперь будет вместе со всеми.

Дежурные по кухне в археологической экспедиции назначались на сутки, и это считалось тяжёлой повинностью. Примиряло с ней только то, что через кухню проходили все. И вдруг – целая неделя среди кастрюль и мусорных вёдер вместо раскопа!

– Чёрт! – сказал я. – А как же Оля? Ведь у неё сегодня день рождения. А благодаря нашим стараниям, она вместо подарка тоже получила неделю дежурства по кухне.

Севка так и подпрыгнул на кровати.

– Ты прав, Сашка! Надо что-то придумать с подарком.

– И не только с подарком, – ответил я. – надо и праздник устроить.

Прожив жизнь, я точно знал – ничто так не примиряет с печальным завтра, как небольшой банкет сегодня. И если уж от кухни нам не улизнуть – надо, чтобы перед этим в жизни произошло хоть что-нибудь хорошее.

– Где тут моя кровать? – спросил я ребят.

– Шutiшь?

Севка недоверчиво уставился на меня.

– Да нет, сколько можно говорить. В самом деле, память отшибло!

– Вот твоя кровать.

Мишка показал на аккуратную заправленную койку, которая стояла возле окна. Я подошёл к ней и взгляделся в пейзаж за стеклом.

Точно! Этот вид отпечатался в моей памяти, словно картинка с фотографии. Зелёные кроны тополей, за ними – крыши железнодорожных вагонов на станции, а ещё дальше – высокая труба из закопчённого кирпича.

Этот пейзаж часто всплывал в моей памяти. Даже тогда, когда я уже напрочь забыл, где его видел.

– Куда ты уставился? – подозрительно спросил Севка.

– Да так, – ответил я. – Ничего особенного.

На самом деле, я смотрел на дом, который одним углом выступал из-за зеленеющих деревьев. Обыкновенный двухэтажный особняк немецкой постройки. Этих уютных домиков в Балтийске полно. После войны в них селились две, а то и три семьи. Некоторые семьи жили дружно, и сообща держали дом в порядке. Другие считали это жильё временным, а друг друга – просто случайными соседями. У таких жильцов старый дом постепенно приходил в упадок, следы которого иногда замазывались свежей краской и заклеивались обоями.

В девяностые годы, когда Балтийск перестал быть закрытым городом, эти домики стали выкупать и расселять люди побогаче. Как раз в том доме, который был виден из окна казармы, мне довелось гостить. Его выкупил большой человек – владелец первой сети видеосалонов в Балтийске. Через знакомых он пригласил меня приехать и оценить – что из интерьера может представлять историческую ценность. Билеты и проживание хозяин оплачивал, и я решил – почему бы не слетать летом к морю?

Вот тогда и произошла одна любопытная история...

– Ничего особенного, – повторил я.

Наклонился и вытащил из-под кровати свой рюкзак.

– Вот что, орлы! Раз уж с подарком мы промахнулись – так давайте хотя бы устроим Оле праздник. У кого сколько денег осталось? Выгребайте всё, будем считать и разбираться.

В общей сложности, у нас набралось пятьдесят два рубля с мелочью. Богаче всех оказался Мишка – у него в чистых, свёрнутых в аккуратный рулончик носках была припрятана сизая двадцатипятирублёвая бумажка. Пятнадцать рублей нашлись у меня в потайном карманчике рюкзака, который я аккуратно пришил изнутри к самому доньшку. Севка насобирав двенадцать рублей.

– Я могу родителям написать, – недовольно буркнул он. – Они вышлют.

– Никому не надо писать, – ответил я. – Советский студент должен быть смел и находчив. Особенно, в том, что касается денег. Что-нибудь придумаем, а пока и этих хватит. Идём за Олей!

Из-за моих приключений остаток дня у нас получился совершенно свободным. Ведь Валерий Михайлович, рассердившись, отправил нас не на раскоп, а по комнатам. Ребята вернутся ближе к вечеру, а дежурство по кухне начнётся только завтра.

– Что ты опять придумал, Сашка? – спросил меня Мишаня. – Тебе врачу надо показаться, Валерий Михайлович велел.

– Ерунда! – отмахнулся я. – Голова почти не болит. А день рождения важнее. Сейчас захватим Олю, зайдём в магазин и посидим где-нибудь на берегу. Есть тут укромное местечко, куда патрули не заглядывают?

– Полно! – оживился Севка. – Ты не помнишь, что ли?

– Главное, чтобы ты помнил, – улыбнулся я. – Погнали!

Наобещав девушке вино, фрукты и феерический морской закат, мы без труда уговорили Олю присоединиться к нам. Думаю, она и сама пошла бы – хотя бы затем, чтобы не упускать нас из виду.

В ближайшем продуктовом магазине нам повезло достать четыре бутылки крымского «Ркацители». На сдачу взяли четыре свердловские слойки со сладкой посыпкой и четыре плавленых сырка «Орбита» – всё по числу участников банкета.

Севка порывался купить бутылку водки, заявляя, что вино – только для девочек. Но мы с Мишаней его остановили. Не хватало ещё вечером объясняться с Валерием Михайловичем по поводу появления в нетрезвом виде.

– А как же фрукты? – едва сдерживая смех, спросила Оля.

– Точно!

Я картинно хлопнул себя по лбу.

Вернулся в магазин, и через минуту вышел, торжественно держа в ладонях большое зелёное яблоко.

– Вот! А теперь – к морю!

Нашу казарму мы благоразумно обошли стороной. Дальше тропинка к морю пролегла как раз мимо того дома, который меня заинтересовал. Проходя мимо, я постарался как можно внимательнее рассмотреть его. Особенно меня интересовала одна из комнат нижнего этажа.

Судя по состоянию облупившихся стен и давно некрашеным оконным рамам, теперешние жильцы не слишком заботились о поддержании порядка в доме. Потолок на голову не падает, и ладно!

Мне это было только на руку.

Мы миновали узкую полоску прибрежных сосен, хвоя которых мягко похрустывала под подошвами кед. Дальше начался мелкий белый песок, нагретый полуденным солнцем. Тропинка скользнула между дюн и вывела нас к уютной впадинке возле пляжа, поросшей диким шиповником.

– Красота! – улыбнулся я, оглядываясь вокруг и с удовольствием втягивая в себя пахнущий морем воздух.

– Хорошее место, – кивком подтвердил Севка, расставляя на траве бутылки «Ркацители». – Да ты же сам его и нашёл.

– Да помню, помню, – отмахнулся я. – Но всё равно – хорошо.

Удивительно, сколько ярких подробностей жизни ускользнуло из моей памяти за прошедшие пятьдесят лет. С мимолётной горечью я подумал, что вот так проживёшь жизнь, а вспомнить-то особенно и нечего. И не потому, что ничего важного в твоей жизни не было. А потому что память подводит, замывает воспоминания, как морские волны замывают в песок кусочки драгоценного янтаря.

– Ты чего загрустил, Саша? – с улыбкой спросила меня Оля.

Улыбка у неё была потрясающая – задорная, открытая. Когда Оля улыбалась, на щеках и подбородке у неё появлялись милые ямочки. Открытые загорелые руки и крепкая сформировавшаяся грудь под тонкой тканью футболки дополняли приятное впечатление.

– Да так, – ответил я, улыбаясь в ответ. – Ну, наливайте, что ли! С днём рождения, Оля!

Мы выпили кислотоватое вино из заботливо прихваченных с собою кружек. Мишаня достал из кармана складной нож и нарезал яблоко на множество тонких долек. Потом развернул и порезал два плавленых сырка.

– Хорошо сидим! – подытожил я. – Давайте по второй.

Мы снова разлили вино по кружкам. Мишаня заботливо отложил пустую бутылку в сторону – её можно было сдать в магазин и получить пятнадцать копеек.

– Может, искупаемся? – предложил Севка. – Оля, ты как?

– Я без купальника, – ответила Оля.

– А давай гольшом! – тут же загорелся Севка.

– С ума сошёл, обормот? – возмутилась Оля.

Насколько я понял, отношения у моих друзей складывались непросто. Севка изо всех сил ухаживал за Олей, но она отвечала ему только дружеским участием. Бедный Севка!

Вот что, – сказал я. – Вы посидите, а мне нужно ненадолго отлучиться.

– Куда? – немедленно подскочил Севка. – Я с тобой.

– Не надо, я быстро, – ответил я. – Через десять минут вернусь.

– Только не влипни там ни во что без нас!

– Постараюсь, – улыбнулся я.

Я поднялся по тропинке между дюн, снова прошёл в прохладной тени кривых сосен и вышел к тому самому немецкому дому. На верёвке возле крыльца сушилось бельё – детское, мужское и женское вперемешку. Я подошёл к двери и осторожно потянул на себя фанерную створку.

Апрель 997-го года, Гданьск

Взмахнув руками, мастеровой опрокинул кубок. Вода выплеснулась прямо на рясу Адальберта. И тут с места вскочил Бенедикт.

Одним ударом в ухо он свалил мастерового на пол.

Корчма угрожающе загудела. Потные плечистые люди с перекошенными лицами обступили стол епископа.

– Монахи наших бьют! – заорал кто-то.

В воздухе замелькали сжатые кулаки.

– Стоять! – бешено выкрикнул Бенедикт.

Глаза его горели сумасшедшим огнём, на лбу вспухла толстая жила.

– Стоять! – повторил он. – Вы на кого лаете, псы?! Это пражский епископ Адальберт! На виселицу захотели?

Быстрым движением Бенедикт выхватил нож и повёл лезвием перед собой.

Адальберт с Радимом тоже вскочили на ноги.

Сейчас эта толпа нас разорвёт, подумал епископ. Вот и судьба, Господи – невредимым пройти среди язычников и погибнуть от рук христиан.

– Да нам по..., что там за епископ! – пьяно крикнул рыбак, пропахший солью и рыбой. – Много вас, кровососов, развелось!

Под ногами толпы ворочался мастеровой. Вот он ухватился рукой за столешницу. Сейчас встанет – и всё, тут-то им и конец!

Дверь корчмы распахнулась, со всего размаху ударив о стену. Вбежали какие-то люди с плётками, с оружием наголо. Расшвыривая мастеровых по сторонам, они быстро расчистили себе дорогу к столу, возле которого стоял епископ.

– У-у, шваль! – зло выкрикнул передний и плашмя ударил мечом по голове мастерового.

Заливаясь кровью, мастеровой повалился обратно на грязный пол корчмы.

Бенедикт неуловимым движением вложил нож обратно в ножны.

– Епископ Адальберт? – требовательно спросил стражник.

Адальберт хотел ответить, но не сумел проглотить комок, который внезапно встал в горле, и только молча кивнул.

– Воевода хочет тебя видеть!

В окружении стражников монахи протиснулись сквозь толпу, которая заполняла корчму. Выбравшись на улицу, епископ с облегчением вздохнул. Смерть снова посмотрела ему в лицо и отступила.

– Как же вы без охраны в наши края? – спросил стражник, бросив саблю в ножны. – У нас народишко – ого-го! Половина – беглые, а вторая половина – вчерашние язычники. Монахов ненавидят люто!

За что, хотел спросить Адальберт, но опять промолчал. Прожив на свете больше четырёх десятков лет, он хорошо знал, что самая горячая ненависть не нуждается в причинах. Человек ненавидит, когда ему плохо, вот и всё.

– Идите за мной, – бросил стражник и быстро зашагал между покосившихся лачуг в сторону реки. Адальберт с Радимом поспешили следом. Позади Бенедикт тащил за повод упирающуюся лошадь.

Возле реки, на холме возвышался бревенчатый частокол, укрепленный земляным валом. Перед валом был вырыт глубокий ров, через который небрежно перекинули дощатый мост.

Доски моста угрожающе скрипели и прогибались.

Стражник нетерпеливо стукнул кулаком в дощатые ворота.

– Епископ Адальберт к воеводе! – крикнул он, задрвав бородатое лицо.

Ворота, скрипя, отворились.

Воевода жил в простом бревенчатом доме. Толстые венцы и узкие – в одно бревно – окна говорили о том, что дом строился с расчётом на оборону. Кроме дома воеводы на дворе небольшой крепости стояли конюшни и большая изба для дружины.

– Кой леший понёс вас в эту корчму? – сердито спросил воевода, глядя на Адальберта из-под нависших бровей. – Убили бы вас там, а мне отвечать перед князем!

Он сердито стукнул кулаком по столу.

– Настуся! Подай еды и пива!

В комнату вбежала молодая девка. Не глядя в лицо гостям, быстро устала дубовый стол тарелками с жареной рыбой и мясом, принесла большой глиняный кувшин с пивом и молча исчезла.

– Садитесь, – пригласил воевода гостей.

– Благодарю, – ответил Адальберт. – Мы успели перекусить в корчме.

Воевода скривился.

– Гнилой капуста, поди, наелись? Ну, дело ваше. Рассказывайте – зачем пожаловали?

– Святой престол решил направить меня с миссией к пруссам в надежде привести язычников к истинной вере, – неторопливо ответил Адальберт.

Брови воеводы удивленно поползли вверх. Он крепко сжал губы – видно вертелось на языке крепкое слово.

– И что же – так втроём и пойдёте?

– Мы хотели попросить у тебя воинов в сопровождение, – вмешался молчавший до сих пор Радим.

– Воинов? На верную погибель? Да пруссы с вами и разговаривать не станут. Нашпигуют стрелами, как зайцев, обдерут донага и бросят в лесу. Нет, святые отцы, не взыщите! Хотите сами идти на смерть – воля ваша. А воины мне здесь нужны. Мне ещё налоги и корма собирать для князя. Крепость строить. Князь Болеслав решил крепко опереться на море.

– А нельзя ли достать лодку? – спросил Бенедикт. – На лодке мы могли бы миновать пограничные места и выплыть прямо к пруссам, а уж там – как бог даст!

– Лодку?

Воевода задумчиво почесал косматую бороду.

– У меня лодок нет – не обзавелись ещё. А отбирать у рыбаков – это опять смута будет.

– Мы бы купили лодку, – сказал Адальберт. – И продали лошадь.

– Вот как? Ну, это дело другое.

Воевода повернулся к двери.

– Гневко!

В избу протиснулся тот самый дружинник, который увёл монахов из корчмы.

– Посмотри- что за лошадь у монахов. Купим её. А святым отцам помощи достать лодку.

– Я разберусь! – быстро сказал Бенедикт Адальберту.

Вместе с Гневко он вышел за дверь.

Адальберт задумчиво посмотрел ему вслед. До сих пор он не мог понять – что за человек Бенедикт. Ясно, что приставлен он князем Болеславом, и приставлен неспроста. Наверняка станет выведывать, сколько войск у пруссов, какие у них крепости.

С другой стороны, в дороге от Бенедикта была только польза. Но если пруссы признают в них шпионов – смерти не миновать.

Про себя Адальберт решил откровенно поговорить с Бенедиктом и просить не ставить их миссию под угрозу.

– Ну, вот что! – сказал воевода, хлопнув ладонью по лавке. – Заночуете у меня. Завтра или послезавтра будет вам лодка.

Лодка нашлась к утру.

Епископ проснулся от того, что Бенедикт осторожно тряс его за плечо.

– Ваше преосвященство! Брат Адальберт!

– Что?

Адальберт открыл глаза.

– Есть лодка! Хорошая, крепкая. Только нам бы надо отправляться без промедления. В деревне беспокойно.

– Что случилось?

– Местные прознали, что мы плывём к пруссам. Ну и баламутят. Говорят, что пруссы не потерпят вмешательства и ответят набегом. Мы с Гневко оставили у лодки стражников, а воевода велел скорее грузить припасы и отправляться. Опасается, что не утихомирят людей.

Только этого не хватало!

Адальберт откинул овчинное одеяло, под которым проспал всю ночь. Рывком поднялся с лавки. Бенедикт сунул ему в руки кубок с водой.

– Завтракать некогда, надо сейчас отплывать. Здесь недалеко. Даст Бог, к вечеру доберёмся до пруссов, а уж там...

Он не договорил и махнул рукой.

Адальберт сделал несколько глотков. Вода была свежая – видно, из колодца, а не из реки. Передал кубок Радиму.

– Идём, брат!

Во дворе крепости их ждал Гневко с тремя дружинниками.

– Готовы, святые отцы? Ну, вот и ладно. Припасы ваши уже в лодке, вещи тоже. Воевода велел положить вам куль зерна, сушёной рыбы и бочонок пива. С голоду не пропадёте.

Сейчас, утром, Адальберт увидел, что крепость стоит не просто на холме, а на мысу, который образует изгиб реки. Здесь Висла делала крутой поворот, а за поворотом открывалось устье и бесконечная морская даль.

У епископа защемило сердце. Выйти на утлой лодчонке в эту неизвестность?

Укрепи меня, Господи, мысленно взмолился Адальберт. Укрепи и дай сил совершить предначертанное!

Широкая лодка была надёжно привязана к деревянному причалу. Полотняный парус на мачте лениво хлопал под порывами утреннего ветра. На дне лодки громоздилась поклажа, укрытая шкурами от волн и любопытных глаз.

– Ну, с Богом! – сказал им Гневко.

Он отвязал верёвку от столба и ногой оттолкнул лодку от причала.

Бенедикт сел на кормовое весло. Подтянув угол паруса, поймал им ветер, и лодка, набирая ход, пошла к выходу из устья – прямо в открытое море.

Адальберт взглянул на Радима.

Брат сидел на носу лодки, закрыв глаза, и перебирал деревянные чётки. Губы его беззвучно шептали какую-то молитву.

Ветер был несильный, но устойчивый. Лодка иногда хлопала дощатым днищем по невысоким серым волнам. Гудели туго натянутые снасти. Парус то заслонял безбрежную морскую даль, то снова открывал её взгляду епископа.

– Ничего! – улыбаясь, крикнул Адальберту Бенедикт. – Хорошая лодка! Сейчас выйдем из устья и пойдём вдоль берега.

Адальберт хотел попросить, чтобы монах не уводил лодку далеко в море. Но тут же ему стало стыдно за свою слабость. Да и что толку в близости берега, если плавать Адальберт не умеет? Он всегда считал, что истинная сила человека не в крепости тела, а в крепости душевной.

Впрочем, Бенедикт, словно услышал безмолвную просьбу епископа. Едва выйдя из устья, он налёг на кормовое весло. Парус захлопал, и лодка медленно повернула направо, пошла вдоль низкого берега, густо заросшего тощими невысокими соснами.

– Можно пока перекусить! – снова крикнул Бенедикт Адальберту. – Даже если ветер не стихнет – плыть нам часов десять. А то и больше.

Десять часов сидеть, умирая от страха перед пучиной, Адальберт не собирался. Он наклонился, распутал верёвки, которые стягивали поклажу. Развязал холщовый мешок и достал из него ячменную лепёшку и три сушёные рыбины. Рыбины были жёсткими, словно подошва. На серых боках выступали кристаллики соли. После такой еды захочется пить.

Адальберт снова пошарил в мешке и с облегчением достал кожаный мех, полный воды.

При крайности он мог бы выпить и пива, но не хотел гневить Господа без нужды.

Адальберт разломил лепёшку на три части и вместе с рыбой протянул братьям. Тщательно прожевал невкусную еду, проглотил и развязал ремешок, который стягивал горло меха. Пить хотелось сильно, но Адальберт сделал всего три глотка и протянул воду Бенедикту. Тот жадно припал к меху. Адальберт видел, как ходит вверх и вниз кадык монаха. Наконец, Бенедикт напился и протянул мех Радиму.

– Здесь вода не сильно солёная, – сказал он Адальберту, указывая за борт. – Река её разбавляет. При крайней нужде – можно пить, только недолго.

Епископ только прислонился спиной к мачте, собираясь вздремнуть, как вдруг услышал резкий свист. Что-то ударило в мачту возле самой его головы, и мачта вздрогнула, завибрировала.

– Ложись! – не своим голосом закричал Бенедикт.

Падая на дно лодки, Адальберт успел увидеть стрелу, которая торчала из мачты.

А от берега, в погоню за монахами отчаливала лодка, полная каких-то оборванцев, одетых в звериные шкуры. Оборванцы весело гикали и вопили, размахивая дубинами и луками.

Глава 5

Июнь 1970-го года. Балтийск, Калининградская область СССР

За входной дверью немецкого дома оказался квадратный холл. Двери слева и справа вели в квартиры, а прямо передо мной была деревянная лестница на второй этаж, выкрашенная противной коричневой краской.

Я повернулся к левой двери. Обитая рваным чёрным дерматином, из-под которого топорщились клочья войлока, эта дверь выглядела нищим оборванцем. Ручка бессильно обвисла на одном гвозде, вместо глазка зияла обыкновенная дырка.

Я осторожно взялся за ручку. И в этот момент противный голос за спиной сказал:

– О! Ещё один явился!

Я быстро обернулся. На площадке лестницы стояла женщина в цветастом халате. Халат был небрежно запахнут и стянут пояском. На голых ногах женщины болтались стоптанные шлёпанцы, кое-как подобранные светлые волосы свисали неровными прядями. Подмышкой она держала большой алюминиевый таз.

– Третий день ходят! – добавила женщина, неприязненно глядя на меня. – А толку? Славка пенсию давно пропил! Вчера ко мне приходил занимать. Только шиш я вам дам хоть копейку на водяру вашу, будь она проклята! Нажрётесь, обоссаете весь подъезд, а кто мыть за вами будет?

Я застыл в растерянности. Женщина спустилась по скрипучим ступенькам и больно толкнула меня тазом.

– Дай пройти, алкаш! Встал тут на дороге!

С этими словами она вышла на улицу.

Подумав пару секунд, я вышел за ней. Не глядя на меня, женщина принялась снимать с верёвки высохшее бельё и складывать его в таз. А я направился к магазину.

– Бутылку водки, пожалуйста! – сказал я скучающей продавщице и протянул ей пятёрку. – Половинку хлеба и банку кильки в томате.

Продавщица молча поставила на прилавок бутылку. Одним движением огромного ножа располовинила буханку хлеба и грохнула о прилавок банкой рыбных консервов.

– Спасибо! – сказал я.

До чего же неудобно жить в стране, где ещё не придумали полиэтиленовые пакеты! Хотя, для экологии это несомненный плюс. Но теперь любой желающий мог видеть меня на улице посреди белого дня с бутылкой водки в руках. Учитывая наличие военных патрулей, это меня совсем не радовало. Поэтому я кое-как запихал банку кильки в карман брюк, бутылку сунул за пояс и прикрыл рубашкой. А хлеб понёс просто в руках.

Нагруженный этими припасами, я вернулся к немецкому дому. Женщины во дворе не было – то ли собрала всё бельё, то ли сейчас вернётся за второй порцией.

Судя по тому, что кое-какое тряпье ещё болталось на верёвке, правдоподобнее был второй вариант. Поэтому я быстро прошмыгнул в подъезд. Стучать в оборванную дверь не стал, просто осторожно потянул её на себя за болтающуюся ручку. Дверь послушно открылась. Я прошёл внутрь и прикрыл за собой створку.

В полутёмной квартире воняло грязными носками, застарелым табачным дымом, невымытым телом и ещё чем-то прокисшим. Запах был такой силы, что меня чуть не вытошнило на потемневшие от грязи деревянные половицы. В глубине квартиры – видно, в туалете – журчала струйка воды.

Я постоял, привыкая к воню, а потом прошёл тёмным коридором к двери, ведущей в комнату.

Хозяин квартиры отдыхал. Раскинув руки, он в одежде лежал на широкой двуспальной кровати и похрапывал. Постельного белья на кровати не было. Полосатый матрас украшали жёлтые пятна.

Под исцарапанным полированным столом при каждом шаге позвякивала батарея пустых бутылок. Видно, недавно в квартире был грандиозный загул, после которого хозяин ещё не успел сдать стеклотару. Стол был застелен газетой, на которой стояли два стакана и консервная банка, полная окурков. Рядом с этой импровизированной пепельницей лежала ссохшаяся хлебная горбушка, начатая пачка «Беломорканала» и стояла тарелка с остатками присохших макарон.

Я вытащил бутылку из-за пояса и поставил её на стол. На чистый край газеты положил хлеб, рядом – банку кильки. Ещё раз посмотрел на мирно спящего хозяина квартиры и повернулся к окну.

Меня интересовал подоконник.

Очевидно, хозяин квартиры использовал его как полку для мелочей. Помимо горшка с давно засохшей бегонией, на широком подоконнике громоздились стопки старых газет, лежал рванный носок, очки с одним стеклом, связка самых разных ключей, ещё одна банка с окурками и пустая стеклянная банка с мутными разводами внутри.

Под батареей я заметил деревянный плотницкий ящик. Из него в разные стороны торчали напильники, гаечные ключи и отвёртки. Странно, что хозяин до сих пор не пропил это богатство. Хотя, возможно, он дорожил инструментом, как памятью о прошлой трезвой жизни?

Я отодвинул в сторону газеты. Подоконник был сделан из двух толстых досок. Концы досок надёжно вделаны в кирпичную кладку стен, продольная щель залита белой краской.

Я присмотрелся к краю наружной доски и не сразу, но увидел то, что ожидал. Тонкую, тщательно залитую краской щель старого пропила у самой стены. Если бы я не знал, что он должен здесь быть, ни за что бы не заметил – настолько неровно лежала краска на старом дереве.

Второй пропил ожидаемо обнаружился на противоположном конце подоконника.

Я ухватился руками за толстую доску и осторожно потянул её вверх. Доска даже не шелохнулась. Чёрт! Здесь монтировка нужна, не иначе!

Храп за спиной внезапно стих. Хриплый голос спросил:

– Митька, ты?

Я обернулся. Проснувшийся хозяин квартиры смотрел на меня широко раскрытыми мутными глазами.

– Митька! Приехал? А я тут это... отдохнуть прилёг маленько. Сейчас!

Алкаш сел на кровати и спустил на пол тощие ноги в вытянутых спортивныхках.

– Щас, Митька, погоди! В себя приду.

– Здравствуй, дядя Слава! – сказал я, делая шаг к нему.

– Ты кто? – недоумённо спросил алкаш. – А Митька где?

– Я его друг, – объяснил я. – Митька просил зайти, тебя проведать. Вот.

Движением руки я показал на выложенный мною на газету натюрморт.

– Ага. Щас!

Алкаш помотал встрёпанной головой, пытаясь прогнать похмельную муть.

– Слушай, плесни малёха, а? Башка гудит!

Я оторвал с водочной бутылки пробку из плотной фольги и налил половину стакана.

– Дядя Слава, открывашка есть у тебя? Или нож?

– На кухне! Да давай так!

Я протянул ему стакан. Дядя Слава принял его дрожащей рукой, пробормотал:

– На здоровье!

И одним махом опрокинул водку в себя.

Я забрал у него стакан. В залежах грязной посуды на кухне отыскал устрашающего вида нож и вскрыл им банку кильки. Лежавшие ровными рядами рыбки скорбно взглянули на меня круглыми глазами.

Прямо на газете я порезал хлеб и снова налил водку – полстакана дяде Славе, и на палец – себе. Выпили.

– Как там Митька-то? – спросил дядя Слава. – Учится? Как уехал – так и глаз к отцу не кажет.

– Учится, – кивнул я. – Сессию на пятёрки сдал. Их с ребятами сейчас на практику отправили в Ростов. А нас – сюда. Вот Митька и попросил меня зайти, посмотреть – как ты живёшь.

– В Ростов? – изумился дядя Слава. – Из мореходки? А там разве море есть?

Мда, прокололся ты, Саня!

– Озеро там есть, – нашёлся я. – Неро. Большое озеро. Ребята на нём специальную технику испытывают. Митька хотел тебе письмо написать, но начальство запретило. Секретная практика!

– Помнит, значит, отца! – умилился дядя Слава. По его небритой щеке скатилась одинокая мутная слеза. – Ну, наливай! За Митьку моего! Настоящего мужика я вырастил!

Мы снова выпили. Остриём ножа я соорудил из хлеба и кильки бутерброд и протянул дяде Славе. Но тот даже не заметил. Вытащил из пачки папиросу, нашарил в кармане спортивок раздавленный спичечный коробок и закурил. Терпкий сизый дым пополз по комнате.

– А я, видишь – совсем один! – всхлипнул дядя Слава. – Жена бросила, сука! Митька уехал. А у меня здесь – никого. Один, как собака. И уехать некуда. Некуда, понимаешь? Тебя как зовут?

– Саня, – ответил я, рукой отгоняя от лица папиросный дым.

– Ты – человек, Саня! И я человек! А разве люди так живут? Целыми днями один-одинёшенек, как сыч. А сыч – это разве человек? Человек – это звучит гордо! Кто сказал, а?

– Горький.

– Вот! Алексей Максимыч! Великий пролетарский писатель!

Я соорудил ещё один бутерброд.

– Ты бы поел, дядя Слава.

– Иди на...р! – неожиданно окрысился дядя Слава и одним движением затушил окурки папиросы в консервной банке. – Водки налей!

К этому моменту, наша увлекательная беседа порядком мне надоела. Всё, что мне было нужно, я узнал. Надираться в компании алкоголика не входило в мои ближайшие планы, а вонь по-прежнему резала глаза.

– Давай сам, дядя Слава! – миролюбиво ответил я. – А я пойду.

– Куда? Стоять, щенок! Мало я тебя порол?

Видно, ему опять примерещилось, что я – Митька, который без памяти сбежал в мореходку от запойного папаши.

Дядя Слава приподнялся с места. Но я, проходя мимо, легонько толкнул его в плечо, и алкаш рухнул обратно на кровать.

На улице я с удовольствием втянул в себя свежий воздух. Несколько раз резко выдохнул, выгоняя из лёгких запах дяди Славиной квартиры.

– Чего распыхтелся, козлина? – визгливо ошпарил сзади женский голос. – Пролез-таки? Я же тебе сказала, что у этого алкаша ничего нет! И нечего тут шастать, к моему белью пристраиваться! Только попробуй украсть – засажу тут же!

Тётка по-прежнему была в цветастом халате и с тазом. Только на этот раз таз был полон мокрым бельём.

Тётка пёрла на меня, как броненосец на рыбацкую лодку. Я сделал шаг в сторону.

– Вали отсюдова! – подбодрила меня тётка. – Чтобы духу твоего здесь не было!

И принялась развешивать на верёвке мокрое бельё.

А я обогнул дом и по тропинке направился к ожидавшим меня друзьям. И по дороге вспомнил, что бизнесмена, у которого я гостил в Балтийске в начале девяностых, звали Дмитрием. И он вполне мог быть тем самым Митькой – законным наследником алкаша дяди Славы.

– Саня! – возмущённо загудел Мишка. – Ты куда пропал?! Севка чуть всё вино без тебя не выпил!

– А чего он ходит, неизвестно где? – подпрыгнул Севка. – Как стукнули его по башке – так и завёл какие-то тайны от друзей!

Оля тоже взглянула на меня обиженно – как-никак, у неё был день рождения.

Я осторожно, чтобы не уколоться шипами, отломил веточку цветущего шиповника и протянул имениннице.

– С днём рождения, Оля!

Севка обиженно засопел – он не догадался до такой простой вещи.

– Спасибо, Саша!

Оля улыбалась мне, но я смотрел не на неё.

По пляжу, вдоль самой кромки ленивого балтийского прибоя, оставляя на мокром песке лёгкие отпечатки спортивных туфель, бежала девушка. Высокая, стройная. Её светлые волосы были коротко пострижены на затылке, и переходили в длинную косую чёлку, которую она то и дело отбрасывала назад резким движением головы.

Щёки девушки покраснелись, небольшая, но крепкая грудь чуть колыхалась под спортивной майкой в такт шагам. Девушка бежала легко и свободно – было видно, что бег доставляет ей удовольствие.

За девушкой, как будто пытаясь её догнать, бежал парень чуть постарше меня. На пунцовом от напряжения лице темнели жидкие усики. Модные бакенбарды прикрывали оттопыренные уши, а тощие волосатые ноги нелепо торчали из широких шорт.

– Светка! – задыхаясь, крикнул парень. – Подожди!

Девушка снова отбросила чёлку назад и побежала ещё быстрее.

– Кто это? – спросил я Мишаню.

– Ну, ты даёшь, Саня! – удивился он. – Это же Жорик – ассистент Валерия Николаевича. Он в следующем году пятый курс заканчивает. Мы у него на раскопе работаем.

– Да я не про Жорика спрашиваю, – рассеянно ответил я. – Кто эта девушка?

Апрель 997-го года. Побережье Балтийской косы

Адальберт едва успел упасть на дно лодки, как ещё одна стрела ударила в низкий борт и затрепетала прямо перед глазами поражённого епископа.

Что это? Уже пруссы? Не может быть, чтобы язычники подобались так близко к укреплению. Но тогда... тогда это христиане, которые посмели напасть на епископа!

Несмотря на вчерашнее происшествие в корчме, такая возможность не укладывалась у епископа в голову. Он привык, что его сан священника вызывает определённое уважение среди людей.

Бенедикт тоже сполз со скамейки на дно лодки и правил, держа рукоять весла в вытянутой руке.

– Это беглые! – крикнул он прямо в лицо Адальберту. – Если догонят – не пощадят!

Адальберт непонимающе смотрел на Бенедикта.

– Парус! – крикнул тот. – Надо переставить парус и уходить по ветру прямо в море! Тогда не догонят!

Держа одной рукой весло, Бенедикт нашарил какой-то канат и чуть ли не силой впихнул его в руки Адальберта.

– Держите канат внатяг и потихоньку отпускайте! А я поверну лодку.

Упираясь ногами в борт, Бенедикт изо всех сил потянул на себя рукоять весла. Лодка начала медленно поворачивать нос от берега.

Адальберт почувствовал, как канат натягивается, уползает из рук.

– Внатяг! – снова крикнул Бенедикт. – Иначе парус заполощет!

Словно очнувшись, Адальберт вцепился в мокрую верёвку, не позволяя ей уползть слишком быстро.

– Хорошо!

Извиваясь змеей вдоль борта, подполз Радим.

– Что делать? – спросил он Бенедикта.

Адальберт заметил, что лицо брата побелело, но держался он спокойно.

– Снимай шкуры с поклажи! – велел Бенедикт Радиму. – Укроемся ими от стрел!

– Разве борта не укроют?

– Нет. Сейчас они начнут стрелять навесом!

Словно в подтверждение этих слов, очередная стрела упала наискось сверху и пробила мех с водой. Вода потекла, заливая мешки с припасами.

Радим силился развязать тугие узлы. Бенедикт выхватил нож и сунул ему.

– Режь!

Адальберт в это время боролся с тугим канатом так, словно ничего важнее на свете не было. Канат потихоньку уползал. Толстая рея поворачивалась вокруг мачты. Наконец, парус полностью распрямился и наполнился ветром. Ткань туго натянулась, приподнимая нос лодки. Вода вдоль бортов зажурчала веселее.

– Ветер усиливается! – возбуждённо закричал Бенедикт. – Везёт! Нам везёт, святые отцы!

Радим перерезал верёвки и стащил с поклажи укрывавшие её кожи. Одну кожу набросил сверху на Адальберта, другой укрыл Бенедикта.

– Сам ползи на нос! – велел ему Бенедикт. – Тебя парус укроет!

И в самом деле, широко распушенный парус полностью укрывал от стрелков переднюю часть лодки.

Ветер, дующий с берега, доносил до ушей Адальберта крики преследователей. Слов епископ разобрать не мог, но слышал яростный, негодующий тон.

Как же так? Неужели они не знают, чья лодка отплыла сегодня из Гданьска? И с какой важной миссией они плывут к пруссам?

Или этим людям всё равно, кого убить – лишь бы разжиться мешком зерна, связкой вяленой рыбы и лодкой? Но люди ли они тогда?

Бенедикт толкнул Адальберта в бок, оторвав от мыслей.

– Крепите канат, Ваше преосвященство! Вон туда!

Монах показал на деревянный выступ на борту.

– Вяжите, как можно крепче! Только голову не высовывайте!

Сам он, наоборот, приподнялся и осторожно выглянул над бортом.

– Отстают! Видит Бог – отстают!

Адальберт накинул верёвочную петлю на выступ. Парус наполнялся ветром, и канат дёргался в руках, словно живой.

– Уйдём! – радостно кивнул ему Бенедикт.

И в этот момент запоздалая стрела, которую преследователи пустили уже в отчаянии, упала с неба, пробила толстую воловью шкуру и впилась в плечо монаха. Бенедикт охнул, падая на дно лодки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.